ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу

„Православная Русь".

11

НОЯБРЬ 1957 NOVEMBER

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

Entered as second-class matter at the post office at Jordanville, New York

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово въ недѣлю 26-ю по Пятидесятницѣ. Приснопамятнаго архіепископа Симона 3
Входъ во храмъ Пресвятыя Богородицы. 21 ноября 1860 г. (К. П. Побѣдоносцева) 5
Памяти патріарха Московскаго Іова. Н. Д. Тальберга 8

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Іоасафъ — царевичъ Индійскій. М. В. 17

Училище благочестія.

Приснопамятнаго еп. Игнатія Брянчанинова. Древо зимой предъ окнами келліи 34
Дума на берегу моря 33
Молитва преслѣдуемаго человѣка 36

МОЛИТВОСЛОВЪ

новаго изданія церковно-славянскимъ шрифтомъ, въ двѣ краски, въ которомъ помѣщены слѣдующія молитвословія:

Молитвы утреннія (сокращ.). Помянникъ. Молитвы въ продолженіи дня. Молитвы вечернія (сокращ.). Избранныя пѣснопѣнія вечерни. Общая молитва часовъ, повечерія и полунощницы. Пѣснопѣнія утрени. Изъ Божественной Литургіи. Изъ воскресныхъ службъ восьми гласовъ. Тропари особыхъ празднествъ и святыхъ. Изъ тріоди постныя. Изъ тріоди цвѣтныя. Канонъ покаянный ко Господу Іисусу Христу. Канонъ молебный ко Пресвятѣй Богородицѣ. Канонъ Ангелу Хранителю. Акаѳистъ Господу нашему Іисусу Христу. Акаѳистъ Пресвятѣй Богородицѣ. Послѣдованіе ко св. Причащенію. Заповѣди Божіи. Какъ должно молиться въ церкви. Правила о поклонахъ и крестномъ знаменіи. Чинъ келейнаго чтенія каноновъ и акаѳистовъ. Правило преп. Серафима Саровскаго для мірянъ.

Молитвословъ карманнаго формата, 230 стр., въ хорошемъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ. Цѣна 2.50 долл.

Безъ переплета — 1 долл. 50 сентовъ.

Слово въ недѣлю 26-ю по Пятидесятницѣ.

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП, СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

24 ноября (7 декабря) 1930 г.

Сказалъ Господь притчу. — «У одного богатаго человѣка былъ хорошій урожай въ полѣ, и онъ разсуждалъ самъ съ собой: что мнѣ дѣлать, некуда мнѣ собрать плодовъ моихъ. И сказалъ: вотъ что сдѣлаю — сломаю житницы мои и построю бо́льшія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое, и скажу душѣ моей: душа, много добра лежитъ у тебя на многіе годы, покойся, ѣшь, пей, веселись. Но Богъ сказалъ ему: безумный, въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя, кому же достанется то, что ты заготовилъ. Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища, а не въ Бога богатѣетъ» (Лук. **12,** 16-21).

Эту притчу Господь предварилъ такимъ наставленіемъ: «Смотрите, берегитесь любостяжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія имѣнія его» (Лук. **12,** 15).

Мысль, что жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія, Господь еще выразилъ такими словами: «Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ, или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою» (Матѳ. **12** 26). Какъ бы такъ сказалъ Господь: — Теряющему жизнь безполезно имѣніе его, хотя бы оно было очень велико: умершій уже не можетъ распоряжаться и наслаждаться тѣмъ, чѣмъ владѣлъ, и ничѣмъ нельзя искупить жизнь свою, чтобы сдѣлаться свободнымъ отъ смерти.

Но мы для жизни раждаемся въ міръ сей и намъ свойственно любить жизнь и искать благоденствія. Имѣніе, хотя бы и много было его, по слову Господню, не спасаетъ отъ смерти, не обезпечиваетъ оно и благоденствія. Гдѣ же источникъ жизни и въ чемъ залогъ благоденствія?

«Кто любитъ жизнь и хочетъ видѣть добрые дни», говоритъ Апостолъ Петръ, «тотъ удерживай языкъ свой отъ зла и уста свои отъ лукавыхъ рѣчей. Уклоняйся отъ зла и дѣлай добро, ищи мира и стремись къ нему, потому что очи Господа обращены къ праведнымъ и уши Его къ молитвѣ ихъ; но лице Господне

противъ дѣлающихъ зло, чтобы истребить ихъ съ земли» (1 Петр. **3,** 10-12).

Итакъ, праведность — вотъ залогъ благоволенія Божія къ людямъ. «Скажите праведнику», говоритъ пророкъ Исаія, «что благо ему, ибо онъ будетъ вкушать плоды дѣлъ своихъ, а беззаконнику горе, ибо будетъ ему возмездіе за дѣла рукъ его» (Исаія **3,** 10).. И дѣйствительно, праведникъ всегда благодушествуетъ (2 Кор. **5,** 6, 8), ибо онъ радуется и посреди постигающихъ его скорбей (2 Кор. **12,** 10; **6,** 10; **13,** 9) и радости, какою радуется праведникъ, никто не можетъ отнять у него.

Но источникъ такой жизни — основа благодушія праведника — въ его вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа: «праведный вѣрою живъ будетъ», говоритъ Апостолъ словами пророка Аввакума (Римл. **1,** 17). То есть, чтобы быть въ живомъ общеніи съ Богомъ, чтобы пріобщиться къ Божественной жизни, недостаточно только имѣть дѣла праведности, но нужно творить ихъ во имя Господа Іисуса Христа и вѣровать, что Отецъ Небесный даетъ Духа Святаго просящимъ у Него (Лук. **11,** 13).

Въ книгѣ Дѣяній Св. Апостоловъ есть повѣствованіе о томъ, какъ вступилъ въ Церковь Христову сотникъ Корнилій. Онъ былъ благочестивый и боящійся Бога человѣкъ, творилъ много милостыни народу и всегда молился Богу. Но праведность его ограничивалась домомъ его: онъ былъ праведникъ для себя и для своихъ близкихъ. Когда же, по особому откровенію Божію, Апостолъ Петръ пришелъ въ домъ Корнилія съ проповѣдью объ Іисусѣ Христѣ, Корнилію ясно стало, что онъ не одинъ, но что «во всякомъ народѣ боящійся Бога и поступающій по правдѣ пріятенъ Богу». Онъ ощутилъ, что живетъ общею жизнью со всѣми ищущими правды Божіей.

Итакъ, иной можетъ быть праведнымъ и однако не быть живымъ. Какъ богатство даетъ возможность человѣку наслаждаться благами жизни, — но только тому, кто живъ и здоровъ, такъ дѣла праведности только тогда наполняютъ душу человѣка истиннымъ миромъ и радостью, когда онъ, творя ихъ, сознаетъ себя исполнителемъ не своей воли, а воли Божіей.

Поистинѣ было бы великимъ безуміемъ приготовлять въ изобиліи потребное для своей жизни и тщательно хранить приготовленное, а самою жизнью своею не дорожить. Что дѣлаешь ты? — можно спросить такого человѣка. Собирая потребное для жизни, ты этимъ какъ бы говоришь: я жить хочу, а подвергая себя опасности смерти, показываешь, что ищешь прекращенія жизни.

Подобное безуміе въ жизни нравственной изобразилъ Господь въ обличительной рѣчи Своей іудейскимъ книжникамъ и

фарисеямъ: «Горе вамъ», сказалъ Онъ, «что даете десятину съ мяты, аниса и тмина, и оставили важнѣйшее въ законѣ: судъ, милость и вѣру. Сіе надлежало дѣлать, и того не оставлять» (Матѳ. **23,** 23). Какъ бы такъ говоритъ Господь: вы показываете усердіе въ исполненіи заповѣди о десятинѣ — тщательно отдѣляете для храма Божія десятую часть отъ всякаго сорта травы, какая у васъ на полѣ, но соблюсти справедливость, оказать милость и сохранить вѣрность у васъ не достаетъ ревности. Вы выбираете, что легко исполнить, и думаете, что усердно служите Богу. Но, оставляя судъ, милость и вѣру, вы обнаруживаете свое нерадѣніе объ исполненіи закона Божія.

Вотъ это самое безуміе и нашу жизнь дѣлаетъ безплодною. Правда, у насъ много дѣлъ, дѣлъ повидимому полезныхъ и необходимыхъ, но занимаясь этими своими дѣлами, мы въ нихъ самихъ видимъ цѣль своей дѣятельности, ими тщеславимся, изъ за нихъ другъ друга раздражаемъ, другъ другу завидуемъ, а о томъ, что-бы посредствомъ нашихъ дѣлъ создавалась взаимная между нами любовь, миръ, возрастала радость и прочіе плоды духовные — мы нерадимъ, какъ о чемъ то второстепенномъ, о чемъ можно подумать только тогда, когда уладимъ свои дѣла.

Да сохранитъ насъ Господь отъ этого безумія, т. е. чтобы усердно трудиться надъ устроеніемъ полезныхъ для жизни дѣлъ, а о самой жизни нерадѣть. «Смотрите», говоритъ Апостолъ, «поступайте осторожно, не какъ неразумные, но какъ мудрые, дорожа временемъ, потому что дни лукавы. Итакъ не будьте неразсудительны, но познавайте, что есть воля Божія» (Ефес. **5,** 15-17).

Вотъ разумѣніе воли Божіей и твореніе ея и есть наша жизнь, и всѣ дѣла цѣнны только въ томъ случаѣ, если являются исполненіемъ воли Божіей.

Входъ во храмъ Пресвятыя Богородицы.

21 НОЯБРЯ 1860 *).

Матери, радуйтеся! Дѣвы, взыграйте!

Не напрасны эти слова. Дѣва христіанская, услышавъ ихъ въ церкви, взыграетъ сердцемъ, и тронется Божественнымъ вдохновеніемъ сердце ея, можетъ быть, уже слишкомъ знакомое съ иными восторгами свѣтской суеты. Но если доброе сѣмя посѣяно въ этомъ сердцѣ ранними уроками матери и Словомъ Божіимъ, если мысль о чистотѣ сердечной дорога для нея,

---

*) Извлечено изъ книги: «Праздники Господни» (К. П. Побѣдоносцева).

если, обращаясь съ молитвою къ Пресвятой Дѣвѣ, она полюбила душою идеалъ дѣвы христіанской — въ ней проснется и взыграетъ духъ молитвы при этихъ словахъ пѣсни церковной. Она почувствуетъ радость о Чистой Дѣвѣ, приведенной въ храмъ и ставшей предъ Богомъ въ радости и въ трепетѣ душевномъ, радость о томъ, что сама она — дѣва христіанская — стоитъ передъ Богомъ въ храмѣ Его. Какъ ей не сказать въ эту минуту: Господи, се азъ предъ Тобою. Благослови меня и содѣлай чистымъ мое сердце! Матерь Божія! Пречистая Дѣва! помоги мнѣ сохранить чистоту сердца посреди міра, наполненнаго всякою нечистотою!

Чистый, святой образъ Матери Божіей долженъ каждую минуту напоминать дѣвѣ христіанской, что нѣтъ на земли имени и мѣста святѣе и чище имени и мѣста дѣвы, и что нарушить эту святость, обезславить это имя — великій грѣхъ, великое несчастье, великое презрѣніе къ дару и званію Божію. Съ тѣхъ поръ какъ явилась на земли Дѣва — Матерь Божія, все чистое, доброе и славное въ природѣ человѣческой соединилось въ одномъ этомъ словѣ — дѣва. Гдѣ найдемъ другое имя, которое сравнялось бы съ этимъ, гдѣ найдемъ такую честь, которая стоила бы этой, гдѣ встрѣтимъ образъ чистоты и невинности, похожій на образъ дѣвы христіанской? Это — сила вѣры, побѣждающей весь міръ, сила смиренія, о которое сокрушается всякая гордость; это — любовь и радость и миръ о Святомъ Духѣ. Та самая дѣятельная любовь, которая долготерпитъ, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не помнитъ зла, не радуется о неправдѣ, а радуется о истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. Та самая радость, которая и среди земного горя хранитъ улыбку кротости и упованія, владѣетъ дивною силой озарить и утѣшить всякую омраченную и отчаянную душу человѣка, не вѣдавшаго любви и сочувствія. Возьмите изъ міра дѣву, — какъ станетъ темно и пусто въ мірѣ. Посреди заботъ всѣхъ и каждаго, о селѣ своемъ, и о куплѣ своей, и о людской своей чести, — бѣда, если затмится мысль о чистотѣ и невинности! А она затмится, когда пропадетъ вѣра въ святое имя и званіе дѣвы, когда исчезнетъ сіяніе надъ ея мѣстомъ, когда перестанутъ воздавать ей честь дѣвства и невинности, перестанутъ смотрѣть на нее *въ семьѣ* какъ на ангела хранителя, какъ на славу родителей и цѣлаго дома, — *въ обществѣ* — какъ на чистое существо, при чьемъ появленіи должны умолкнуть нечистыя слова и нестройныя рѣчи. Горе будетъ тому обществу, въ которомъ пропадетъ святое уваженіе къ дѣвѣ, и появленіе ея перестанетъ возбуждать въ каждомъ заботу о томъ: хороша ли мысль его, чисто ли его слово?

Но бѣда и той дѣвѣ христіанской — у кого въ душѣ пропало святое желанье ходить достойно своего званія и *носить въ себѣ* честь свою, для того чтобы та честь, которую воздаетъ ей общество, не сдѣлалась ложью и упрекомъ. Бѣда ей, когда привыкнетъ принимать она эту честь какъ должную дань, захочетъ владычествовать въ кругу своемъ — *образомъ и*

тѣнью красоты и невинности; потребуетъ любви и служенія отъ всякаго, кто къ ней приближается, забывъ о томъ, что въ мірѣ христіанскомъ всякая власть есть *служеніе,* и что любовь христіанская сама прежде всего любитъ, не ожидая любви отъ другихъ: какъ Богъ возлюбилъ міръ и человѣка. Тогда честь ея станетъ лицемѣріемъ, любовь ея станетъ лестью и обманомъ. Отойдетъ отъ нея радость, которую слѣдовало ей всюду приносить съ собою, пропадетъ благоуханіе чистоты, исчезнетъ великая сила, которая по волѣ Божіей соединена съ именемъ и званіемъ дѣвы христіанской.

Всякая истинная сила у насъ отъ Бога, и всякую силу Богъ указалъ намъ носить въ хрупкомъ "глиняномъ" сосудѣ. У кого этотъ сосудъ цѣлъ еще, у кого не разбился онъ на рынкѣ житейской суеты, — тотъ пусть благодаритъ Бога за милость и, прося отъ Бога помощи, пусть несетъ сосудъ свой съ вѣрою и со страхомъ Божіимъ до конца земной дороги. Иному дана была великая сила на доброе и славное, но онъ разбилъ сосудъ свой на половинѣ дороги, не совершивъ ничего добраго и славнаго, только помышляя о томъ, сколько добра и славы несетъ онъ съ собою въ запасѣ. Другому дана малая сила, но Богъ помогъ ему сохранить малую силу въ сердечной простотѣ, и малый свѣтъ его свѣтится, и малое дѣло его вокругъ него ростетъ и благоухаетъ. Страшно человѣку носить въ себѣ силу, страшно ходить въ ней съ честью передъ людьми, — когда человѣкъ помнитъ, что ходитъ передъ Богомъ, и что Богъ, а не воля человѣческая, возложилъ на него званіе. Страшно потому, что *всякій человѣкъ есть ложь,* и всякое слово его, отъ себя сказанное, есть праздное слово самообольщенія. Отъ того-то страхъ Божій объемлетъ человѣка, — едва только станетъ онъ съ своею мыслью, съ своимъ чувствомъ, словомъ и дѣломъ — не передъ самимъ собою, не передъ людьми и судомъ людскимъ, но прямо передъ Богомъ. И благо, если этотъ страхъ Божій приводитъ его каждый разъ къ смиренной молитвѣ, къ сознанію своего ничтожества и Божьей силы, къ чувству любви и благодати Божіей. Тогда, пройдя сквозь огонь и молитвы, растопившееся сердце человѣка зацвѣтетъ праздничною радостью, которую даетъ живая любовь къ Богу и надежда на Него. Сердце человѣка *взыграетъ* передъ Богомъ.

Такъ взыграетъ сердцемъ христіанская дѣва, когда, ставъ въ храмѣ въ нынѣшній день, подумаетъ она, какъ была смиренна душою и полна тихой вѣры и любви Божіей Та, Которую Богъ избралъ Себѣ нерукотвореннымъ храмомъ. Подумаетъ потомъ о своемъ званіи и о великой чести дѣвы христіанской; подумаетъ о себѣ, и, поставляя себя передъ Богомъ, увидитъ, какъ ей далеко до чистоты и простоты сердца, достойной ея званія. Какъ должно загорѣться въ ней желаніе быть въ числѣ тѣхъ дѣвъ, которыя "приведутся къ Царю" вслѣдъ Пречистой Дѣвы и "введутся въ домъ Царевъ"! Какъ горячо станетъ молиться Богу и Пресвятой Дѣвѣ о помощи и очищеніи посреди міра, чтобы не смутила ее людская лесть, чтобъ не соблазнила честь людская, чтобы желаніе любви и слу-

женіе многихъ не отвело ее отъ любви и служенія немногимъ, съ кѣмъ связана будетъ судьба ея, чтобы праздное слово о любви не ослабило въ ней любви дѣломъ и истиною, чтобъ не изсякала въ сердцѣ ея та духовная радость, которою человѣкъ самъ счастливъ и дѣлаетъ счастливымъ ближняго, подходящаго къ нему! Благодать Божія отвѣтитъ на простую и горячую молитву, и дѣва христіанская глубоко почувствуетъ правду церковнаго воззванія къ дѣвамъ: *"дѣвы, взыграйте!"*

Памяти Патріарха Московскаго Іова.

Триста пятьдесятъ лѣтъ назадъ преставился выдающійся іерархъ Русской Церкви, первый ея патріархъ, Святѣйшій Іовъ. Какъ многіе крупные люди, онъ недостаточно былъ понятъ и оцѣненъ. Вслѣдствіе близости его къ Царю Борису Годунову, котораго императоръ Николай II считалъ однимъ изъ оклеветанныхъ государей, патріархъ Іовъ вызвалъ суровое отношеніе къ себѣ ряда нашихъ историковъ. Постараемся освѣтить его жизнь и дѣянія, пользуясь, главнымъ образомъ, данными крупнѣйшаго церковнаго историка, владыки Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго (Исторія Русской Церкви» т. X 1881.).

Въ концѣ первой четверти 16 столѣтія (точная дата неизвѣстна) въ г. Старицѣ у посадскихъ людей родился сынъ, нареченный Іоанномъ. Первоначальное обученіе онъ получилъ въ старицкой Успенской обители, въ которой въ 1607 г. и закончилась его исполненная тревогъ жизнь. Обучалъ его настоятель монастыря, архимандритъ Германъ, совершившій потомъ и его постригъ, съ нареченіемъ Іовомъ. Подъ руководствомъ сего опытнаго инока, сдѣлавшаго Іова своимъ послушникомъ, протекла его примѣрная жизнь въ обители.

Въ 1556 г. Успенскій монастырь посѣтилъ Царь Іоаннъ IV, прославившій себя и внутренними преобразованіями и покореніемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ. Онъ обратилъ благосклонное вниманіе на Іова. По его повелѣнію возведенный въ санъ архимандрита, онъ упоминается въ 1569 г., какъ настоятель родного ему Успенскаго монастыря. Въ 1571 г. состоялся переводъ его въ московскій Симоновъ мон. Въ 1575 г. онъ архимандритъ Новоспасскаго мон., считавшагося царскимъ. Настоятель имѣлъ частое общеніе съ государемъ. Напомнимъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ архимандритомъ этой обители былъ буд. патріархъ Никонъ. Въ 1581 г. Іовъ былъ рукоположенъ во епископа коломенскаго, въ 1586 г. сталъ архіепископомъ ростовскимъ, черезъ 11 мѣсяцевъ митрополитомъ московскимъ. Въ 1589 онъ возведенъ въ патріархи.

Митрополитъ Макарій задаетъ вопросъ: «Чѣмъ же обратилъ на себя Іовъ такое вниманіе верховной власти? По свидѣтельству его біографіи, онъ былъ собою весьма благообразенъ и «прекрасенъ въ пѣніи и во чтеніи, яко труба всѣхъ веселяя и услаждая»; имѣлъ необыкновенную память, зналъ наизусть всю псалтирь, евангеліе и апостолъ; безъ книги совершалъ всю литургію св. Василія великаго, безъ книги, на память, читалъ не только евангелія, но и всѣ молитвы во время крестныхъ ходовъ на Богоявленіе, 1 августа и въ другіе дни; безъ книги читалъ даже длинныя молитвы въ день пятидесятницы, и чтеніе его въ это время было до того умилительно, громогласно и доброгласно, что всѣ, вмѣстѣ съ нимъ, плакали. Къ томужъ онъ былъ великій постникъ и никогда не пилъ вина, а только воду; любилъ ежедневно совершать литургію, и только, когда изнемогалъ, давалъ себѣ отдыхъ на день или на два; никого не обижалъ и не оскорблялъ, всѣхъ миловалъ и прощалъ. Вообще же былъ онъ «мужъ, нравомъ, и ученіемъ, и благочиніемъ, и благочестіемъ украшенъ . . . Во дни его не обрѣтеся человѣкъ, подобенъ ему, ни образомъ, ни нравомъ, ни гласомъ, ни чиномъ, ни похожденіемъ, ни вопросомъ, ни отвѣтомъ».

Естественно было восхожденіе его на митрополичій престолъ, когда былъ удаленъ его предшественникъ, владыка Діонисій, вовлеченный въ боярскія интриги. То было уже въ началѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича, который вѣдалъ, какъ цѣнилъ владыку Іова царь Іоаннъ Грозный, ведшій съ нимъ бесѣды по вѣроученію, бравшій съ собой въ поѣздки въ Ливонскую землю. Для царя Ѳеодора Іовъ былъ желаннымъ первосвятителемъ. Для правителя же Бориса Годунова, при проведеніи его церковно-государственныхъ плановъ, не могъ не быть цѣненъ столь благочестивый и мудрый архипастырь.

Все выдвигало его къ занятію патріаршаго престола. Неожиданное прибытіе въ 1587 г. въ Россію константинопольскаго патріарха Іереміи ставило на очередь этотъ вопросъ, коему придавали такое значеніе благочестивые царь Ѳеодоръ и царица Ирина. Патріархъ Іеремія, измученный гоненіями турецкихъ властей, самъ перемѣнилъ бы Константинополь на Москву, какъ свидѣтельствуетъ сопровождавшій его митрополитъ монемвасійскій (мальвазійскій) Іероѳей. По повелѣнію царя Борисъ Годуновъ предложилъ Іереміи быть патріархомъ въ Россіи, съ пребываніемъ во Владимірѣ: въ Москвѣ оставался бы митрополитъ Іовъ. Іеремія далъ согласіе на бытіе въ россійскомъ государствѣ патріаршества, но отъ такъ сдѣланнаго ему предложенія отказался, ибо патріархъ долженъ быть всегда при государѣ.

23 января 1589 г. въ Успенскомъ соборѣ собрались греческіе и русскіе архіереи. Отсутствовалъ только митрополитъ Іовъ. Прибылъ и патріархъ Іеремія. Русскіе епископы, а также греки митр. Іероѳей и архіепископъ елассонскій Арсеній, удалившись въ придѣлъ похвалы Пресв. Богородицы, избрали трехъ кандидатовъ: митр. Іова, архіеп. новгородскаго Александра и архіеп. ростовскаго Варлаама. Патріархъ съ избирателями прослѣдовалъ къ государю,

который остановилъ свой выборъ на митр. Іовѣ. 26 января Іеремія въ Успенскомъ храмѣ совершилъ надъ владыкой Іовомъ полное архіерейское рукоположеніе. По окончаніи литургіи и троекратномъ возведеніи святѣйшаго Іова на каѳедру, патріархъ Іеремія вручилъ ему посохъ св. митрополита Петра. Царь, пожаловавъ ему золотую панагію съ драгоцѣнными камнями, мантію и бѣлый клобукъ, вручилъ ему другой посохъ.

Въ тотъ же день былъ у государя «столъ» для обоихъ патріарховъ, знатнаго духовенства и бояръ. Когда было подано третье кушаніе, патріархъ поднялся и съ воздвизальнымъ крестомъ въ рукахъ совершилъ на осляти объѣздъ «города стараго». Осля вели окольничій князь Лобановъ-Ростовскій, и патріарховъ бояринъ Плещеевъ. Передъ патріархомъ шли пѣвчіе дьяки съ пѣніемъ избранныхъ стихиръ; за патріархомъ слѣдовали государевы дворяне, дьяки, дѣти боярскіе и множество народа. На Флоровскомъ мосту патріархъ сошелъ съ осляти на уготованное мѣсто. Прочтя молитву о благоденствіи города, царя и царства, онъ осѣнилъ св. крестомъ и окропилъ св. водой всѣ четыре стороны. Сѣвъ на осла, онъ вернулся во дворецъ и занялъ свое мѣсто за столомъ.

Во исполненіе соборнаго опредѣленія о новомъ устройствѣ іерархіи, имъ поставлены были въ митрополиты архіепископы въ Новгородѣ, Ростовѣ, и Казани. Митрополитомъ сарскимъ и крутицкимъ былъ поставленъ еп. Геласій. Открыто было шесть архіепископій и епископская каѳедра во Псковѣ. Въ 1602 г. послѣдовало открытіе каѳедры въ Астрахани.

Много распорядительности и заботливости проявилъ Іовъ въ отношеніи нисшей іерархіи. Постановленія Стоглаваго собора о поповскихъ старостахъ (благочинныхъ) и о десятскихъ діаконахъ почти не выполнялись, даже въ Москвѣ. Въ 1592 г. послѣдовало учрежденіе въ Москвѣ восьми поповскихъ старостъ, съ подчиненіемъ каждому 40 священниковъ. Для нихъ поставлена была изба у Покрова Богородицы на рву и приданы каждому по 4 десятскихъ діаконовъ. Въ этой избѣ тѣ и другіе должны были сходиться каждый день. Въ число ихъ обязанностей включено было наблюденіе за тѣмъ, чтобы во всѣхъ церквахъ ежедневно отправлялись церковныя службы и совершались онѣ самими священниками, а не «наймитами». Для наблюденія же за поповскими старостами и десятскими діаконами назначены были протопопы двухъ придворныхъ и двухъ городскихъ церквей. Патріархъ опредѣлилъ время совершенія литургій, которыя до того иногда служились до восхода солнечнаго.

При патріархѣ Іовѣ установлены были новые церковные праздники: блаж. Василію, Христа ради юродивому московскому; общее празднованіе пр. Іосифу Волоколамскому, которому святѣйшій самъ написалъ канонъ и исправилъ службу; вмѣстѣ святителямъ Петру, Алексію и Іонѣ, а также казанскимъ чудотворцамъ Гурію и Варсонофію; общее — благ. кн. Роману Владиміровичу Углицкому; преподобнымъ Антонію Римлянину и Корнилію Комель-

скому. Изъ Отроча мон. перенесены были въ Соловецій мон. мощи митрополита Филиппа и изъ Москвы въ Свіяжскій мон. мощи архіеп. казанскаго Германа, основателя сей обители.

Съ именемъ патріарха Іова тѣсно связаны судьбы иверской или грузинской церкви. Въ концѣ 1586 г. грузинскій царъ Александръ, изнемогавшій подъ натискомъ турокъ и персовъ, просилъ царя Ѳеодора принять Грузію подъ свою высокую державу, на что государь согласился. Вслѣдъ затѣмъ, Александръ просилъ прислать «для исправленія православныя вѣры христіанскія учительныхъ людей». Патріархъ ревностно занялся этимъ дѣломъ. Въ Грузію были посланы іеромонахи Троице-Сергіева мон. Закхей и Іосифъ и іеродіаконъ Чудова мон. Ѳеодосій, знатоки уставовъ и хранители благочестія. Отправлены были три опытныхъ иконописца. Ими же было привезено много иконъ, принятыхъ, по словамъ Александра, «какъ Моисей принималъ богописанный законъ». Патріархъ счелъ нужнымъ написать царю и грузинскому митрополиту Николаю учительныя посланія. Перваго онъ убѣждалъ твердо держаться символа вѣры, имѣть страхъ Божій и исполнять заповѣди Евангелія,а также почитать священниковъ и не касаться ничего церковнаго. Митрополиту онъ писалъ: «знаемъ васъ изначала, Божіею благодатію, христіанами; но не вѣдаемъ, откуда возникли у васъ соблазны, такъ что нынѣ вы не во всемъ вполнѣ держите христіанскую вѣру и въ немногомъ раздѣляетесь отъ насъ. Внимайте же прилежно, въ чемъ состоитъ истинная благочестивая православная вѣра». Въ посланіи многое заимствовано изъ «Изборника» митр. Даніила, болгарскаго пресвитера Козьмы на богомиловъ и изъ «Просвѣтителя» преп. Іосифа Волоколамскаго. Въ заключеніи посланія патріархъ призываетъ архипастырей и пастырей подражать св. Апостоламъ и св. Отцамъ, быть готовыми положить души свои за духовныхъ овецъ, охранять ихъ отъ ересей и отъ всякаго зла. Во все время своего правленія святѣйшій оказывалъ грузинской Церкви большую помощь.

Всячески поддерживалъ патріархъ митрополита Казанскаго Гермогена, боровшагося противъ ухода новокрещеныхъ татаръ отъ христіанской вѣры. 18 іюля изданъ былъ строгій царскій указъ, повелѣвавшій казанскимъ воеводамъ обратиться съ увѣщаніемъ къ новообращеннымъ и поселить ихъ въ особую слободу между русскими и вдали отъ остальныхъ татаръ. Запрещалось татарамъ и нѣмцамъ принимать къ себѣ на службу русскихъ людей.

Въ то же время развивалось и укрѣплялось христіанство въ Сибири, о чемъ проявлялъ много заботливости Борисъ Годуновъ, сначала правитель, потомъ царь. Строились съ благословенія патріарха церкви въ Тобольскѣ, Табарахъ, Енисейскѣ, Тюмени, Туринскѣ и др. мѣстахъ.

Въ с. Кодѣ, вотчинѣ сибирскихъ князей Алачевыхъ, повелѣно было воеводѣ выстроить церковь, о чемъ просили новокрещеные царица Анастасія и сынъ ея Петръ. Сибирскіе храмы снабжались книгами. Послѣ удачной войны со Швеціей, когда выступилъ лично царь Ѳеодоръ, возстанавливалось

православіе въ возвращенной Кареліи. Патріархъ повѣствуетъ, что царь повелѣлъ «тамо капища еллинская разорити и идолы сокрушити, и святыя церкви воздвизати, пречистыя великія обители устрояти . . ., и, по его благому изволенію, вся сія «совершишася». При царѣ Борисѣ учреждена въ 1598 г. карельская каѳедра.

Патріархъ придавалъ большое значеніе открытію при монастыряхъ школъ грамоты, при болѣе крупныхъ — школъ подготовки священниковъ, что предусмотрѣно было еще Стоглавымъ Соборомъ. Отрицательно относился онъ къ посылкѣ молодыхъ русскихъ въ Зап. Европу, гдѣ они иногда заражались насмѣшливымъ отношеніемъ къ религіи. Подъ непосредственнымъ руководствомъ святѣйшаго Іова, изданы впервые въ Россіи: обѣ тріоди, октоихъ, архіерейскій чиновникъ, общая минея и служебникъ. Отсутствіе справщиковъ, знавшихъ греческій языкъ, заставило при пересмотрѣ рукописей довольствоваться добросовѣстнымъ сличеніемъ ихъ съ древними списками. Въ первое изданіе Служебника, по указанію Іова, включены были послѣдованіе таинствъ крещенія и бракосочетанія, послѣдованія водоосвященія, причащенія болящихъ и другія молитвы.

Патріархъ принималъ большое участіе въ государственныхъ дѣлахъ, какъ по своему высокому положенію, такъ и вслѣдствіе почитанія его царями, начиная съ Іоанна Грознаго. Въ вину патріарху нѣкоторые историки ставятъ большую близость съ Борисомъ Годуновымъ. Онъ упрекается въ признаніи имъ «углицкаго обыска», произведеннаго, послѣ гибели царевича Димитрія, слѣдственной комиссіей, во главѣ съ кн. Василіемъ Шуйскимъ и съ участіемъ митр. Геласія. Тѣмъ самымъ отвергалась виновность Бориса Годунова. Но до настоящаго времени идутъ споры. С. Ѳ. Платоновъ, знатокъ Смутнаго времени, отвергаетъ его виновность. Обвиняется патріархъ Іовъ въ способствованію избранія Бориса на престолъ. Но блестящая его дѣятельность, какъ правителя при болѣзненномъ царѣ Ѳеодорѣ, ревностное отношеніе къ нуждамъ церковнымъ, давали основаніе патріарху сочувствовать его воцаренію.

Митрополитъ Макарій такъ пишетъ о дальнѣйшемъ времени: «Когда, спустя два года по воцареніи своемъ, Годуновъ сдѣлался крайне подозрительнымъ и началъ принимать всякіе доносы и навѣты на своихъ вельможъ и бояръ и подвергать ихъ страшнымъ преслѣдованіямъ, и когда многіе, обращаясь къ Іову, говорили ему: «что отче святый, новотворимое сіе видѣши, а молчиши?», — тогда онъ, по свидѣтельству его біографа, терзался совѣстію и сердцемъ, но не могъ ничего сдѣлать: такъ какъ царь Борисъ былъ строптивъ и не хотѣлъ видѣть обличника себѣ. Святѣйшій только «день и нощь со слезами непрестанно въ молитвахъ предстоялъ въ церкви и келліи своей, непрестанно пѣлъ молебныя пѣнія соборомъ съ плачемъ и великимъ рыданіемъ . . .»

Когда Лжедимитрій поднялъ возстаніе, патріархъ рѣшительно выступалъ противъ него и всячески поддерживалъ законнаго государя. По кончинѣ царя Бориса, онъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и боярами присягнулъ вдовствующей царицѣ Марьѣ Григорьевнѣ и царю Ѳеодору Борисовичу. Почти всѣ

измѣнили вскорѣ юному царю, звѣрски умерщвленному двумя князьями съ ихъ приспѣшниками.

Патріархъ Іовъ оставался вѣренъ царю Ѳеодору. 10 іюня 1605 г., когда въ Москву пришла изъ Серпухова грамота самозванца, призывавшаго истребить до послѣдняго его враговъ, патріархъ молился въ Успенскомъ соборѣ. Толпа съ оружіемъ и дрекольемъ ворвалась въ храмъ. Не давъ святѣйшему окончить литургію, бунтари готовились вытащить его изъ алтаря. «Іовъ самъ снялъ съ себя панагію», пишетъ митр. Макарій «и, полагая ее предъ владимірской иконою Богоматери, со слезами возопилъ: «О пречистая владычица Богородица! Сія панагія и санъ святительскій возложены на меня, недостойнаго, въ твоемъ храмѣ, у твоего чудотворнаго образа, и я, грѣшный, 19 лѣтъ правилъ слово истины, хранилъ цѣлость православія; нынѣ же, по грѣхамъ нашимъ, какъ видимъ, на православную вѣру наступаетъ еретическая: молимъ тебя, Пречистая, спаси и утверди, молитвами твоими, православіе». Молитва святителя еще болѣе озлобила измѣнниковъ; они съ позоромъ таскали его по церкви и потомъ повлекли къ лобному мѣсту, которое скоро окружили толпы народа. Многіе плакали и рыдали, видя такое смятеніе». Патріархъ былъ отправленъ, по его просьбѣ, въ старицкій Успенскій монастырь.

Знаменательно отношеніе къ нему тамъ настоятеля обители, архимандрита Діонисія, одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей того времени. Извѣстенъ онъ былъ своимъ ревностнымъ и просвѣщеннымъ служеніемъ Церкви. Извѣстенъ и исключительнымъ отечестволюбіемъ, проявленномъ въ бытность его архимандритомъ Троице-Сергіевой обители, когда, онъ, продолжая великое дѣло Святителя Гермогена, подымалъ народъ на спасеніе Руси. Митр. Макарій именуетъ его однимъ «изъ самыхъ свѣтлыхъ и достопамятныхъ дѣятелей того времени». Съ 1605 г. онъ состоялъ настоятелемъ Успенской обители.

«Въ это-то время и присланъ былъ въ старицкій монастырь патріархъ Іовъ «за приставы» и съ грамотой отъ самозванца, чтобы держали присланнаго «во озлобленіи скорбнемъ», пишетъ митр. Макарій. «Діонисій, угостивъ приставовъ, отпустилъ ихъ, а самъ со всею братіею явился къ Іову, просилъ его приказаній, и отдавался въ его полное распоряженіе. Около двухъ лѣтъ прожилъ Іовъ въ своемъ заточеніи, и Діонисій всячески старался успокоить невиннаго страдальца и служилъ ему до самой его кончины, которая послѣдовала 19 іюня 1607 года».

Въ замѣстители Іова самозванецъ намѣтилъ архіепископа рязанскаго Игнатія, грека, прибывшаго въ Москву съ о Кипра въ 1595 г. и въ 1603 г. получившаго каѳедру. Онъ первый изъ архіереевъ съ царской почестью встрѣтилъ Лжедимитрія по прибытіи его въ Тулу. Имѣлись и раньше подозрѣнія о связи его, по пути изъ Кипра, съ уніатами въ Римѣ. Онъ былъ удобенъ для іезуитовъ, сопровождавшихъ самозванца. Желая придать своему выбору видъ законности, Лжедимитрій пожелалъ имѣть на то благословеніе Іова, который и въ ссылкѣ продолжалъ оставаться патріархомъ. Іовъ дважды отказалъ въ этомъ, не испугавшись и угрозъ. Онъ подозрѣвалъ, въ чемъ не ошибся, что Игнатій не

пожелаетъ противостать католическимъ поползновеніямъ. Какъ потомъ было выяснено историками, кардиналъ Боргезе 3 дек. 1605 г. сообщалъ изъ Рима въ Польшу папскому нунцію Ронгони о готовности Игнатія содѣйствовать уніи. По приказанію самозванца архіереи возвели Игнатія въ санъ патріарха.

Когда 17 мая 1606 г. Лжедимитрій былъ убитъ, соборъ іерарховъ лишилъ Игнатія даже святительства за допущеніе имъ жены Лжедимитрія, католички Марины Мнишекъ, къ таинству причащенія. Возстановленіе Іова на патріаршемъ престолѣ было невозможно, т. к. онъ къ этому времени лишился зрѣнія и не могъ бы править Церковью. Выборъ новоизбраннаго царя Василія Шуйскаго остановился на казанскомъ митрополитѣ Гермогенѣ.

.. Съ воцареніемъ Василія IV смута не прекратилась. Путивльскій воевода кн. Григорій Шаховской, любимецъ самозванца, разсылалъ грамоты съ извѣщеніемъ, что послѣдній спасся отъ руки измѣнниковъ. Шуйскій именовался похитителемъ престола. Въ сѣверскихъ городахъ поднялось возстаніе и появился атаманъ въ лицѣ Ивана Болотникова. За ними обоими пошли и города средней Россіи. Болотниковъ доходилъ до с. Коломенскаго, подъ Москвой. Патріархъ Гермогенъ, какъ при царѣ Борисѣ патр. Іовъ, разсылалъ повсюду грамоты, призывая молиться о покореніи государю его враговъ и не слушаться воровъ, злодѣевъ и разбойниковъ. Доблестный кн. Михаилъ Скопинъ-Шуйскій отогналъ Болотникова отъ Москвы. Но тотъ изъ Калуги разжигалъ смуту.

Тогда царь Василій, посовѣтовавшись съ Гермогеномъ и освященнымъ соборомъ, рѣшилъ вызвать изъ Старицы въ Москву бывшаго патріарха.

Митр. Макарій повѣствуетъ: «Гермогенъ написалъ къ Іову посланіе, умолялъ его именемъ государя учинить подвигъ, пріѣхать въ столицу «для его государева и земскаго великаго дѣла». Іовъ пріѣхалъ, 14 февр. 1607 г., и остановился на Троицкомъ подворьѣ. Спустя шесть дней (20 февр.) въ Успенскій соборъ собралось безчисленное множество народа; прибыли и оба патріарха съ другими святителями и духовенствомъ. Іовъ сталъ у патріаршаго мѣста, а Гермогенъ, совершивъ прежде молебное пѣніе, сталъ на патріаршемъ мѣстѣ. Тогда всѣ находившіеся во храмѣ христіане, съ великимъ плачемъ и воплемъ, обратились къ Іову, просили у него прощенія и подали ему челобитную. Въ ней православные исповѣдывались передъ своимъ бывшимъ патріархомъ, какъ они клялись служить вѣрою и правдою царю Борису Ѳеодоровичу и не принимать вора, называвшагося царевичемъ Димитріемъ, и измѣнили своей присягѣ, какъ клялись потомъ сыну Бориса Ѳеодору, и снова преступили крестное цѣлованіе, какъ не послушались его, своего отца, и присягнули Лжедимитрію, который лютостію отторгнулъ его, пастыря, отъ его словесныхъ овецъ, а потому умоляли теперь, чтобы первосвятитель простилъ и разрѣшилъ имъ всѣ эти преступленія и измѣны, и не имъ только однимъ, обитающимъ въ Москвѣ, но и жителямъ всей Россіи, которые уже скончались». Патріархи приказали архидіакону, оглашавшему челобитную, прочесть съ амвона подробную съ изображеніемъ клятвопреступленій и измѣнъ разрѣшительную грамоту, которая напередъ была составлена, по пріѣздѣ Іова въ Москву, отъ имени обоихъ патріарховъ и всего освященнаго собора. По оглашеніи ея, народъ бросился къ

стопамъ Іова, просилъ благословенія, лобызалъ его десницу. Дряхлый старецъ убѣждалъ ихъ не нарушать крестнаго знаменія».

Вернувшись въ Старицкую обитель, Іовъ черезъ четыре мѣсяца преставился. На отпѣваніе его были посланы митр. крутицкій Пафнутій и тверской архіепископъ Ѳеоктистъ. Погребли святѣйшаго близъ Успенской церкви. Архим. Діонисій воздвигъ надъ могилой первосвятителя каменную палатку или склепъ въ видѣ часовеньки.

Приводимъ отзывъ митр. Макарія о первомъ русскомъ патріархѣ, котораго, добавимъ отъ себя, почитали такіе впослѣдствіе прославленные угодники Божіи, какъ патріархъ Гермогенъ и архим. Діонисій, и передъ нравственнымъ величіемъ котораго на глазахъ народа вынужденъ былъ въ 1606 г. склониться царъ Василій Шуйскій, одинъ изъ главныхъ враговъ Бориса Годунова.

«Въ 1604 г., когда, съ появленіемъ Лжедимитрія, наступило для Россіи тяжкое время, Іовъ, уже дряхлый и болѣзненный, написалъ, на всякій случай, свою духовную грамоту, въ которой, со всей искренностію, повѣдалъ о самомъ себѣ. Изъ этой грамоты узнаемъ нѣкоторыя прекрасныя свойства его души. Онъ былъ человѣкъ смиренный, не забывавшійся на высотѣ, не мечтавшій о своихъ достоинствахъ. Сказавъ, какъ быстро поднимали его по степенямъ церковной іерархіи, сперва царь Иванъ Васильевичъ, потомъ царь Ѳеодоръ Ивановичъ, Іовъ присовокупляетъ: «но одинъ Богъ вѣдаетъ, сколько предавался я рыданію и слезамъ съ того времени, какъ возложенъ былъ на меня санъ святительства, ибо я чувствовалъ мои немощи, сознавалъ, что не имѣю довольно для того духовныхъ силъ». Онъ былъ человѣкъ нестяжательный и употреблялъ свои богатыя средства преимущественно на храмы Божіи и на вспомоществованія ближнимъ. Велики были, говоритъ онъ далѣе, милости и несчетны дачи ему, заздравныя и заупокойныя, отъ обоихъ царей, Ѳеодора Ивановича и Бориса Ѳеодоровича и отъ ихъ семействъ, велики патріархальные доходы и всякія пошлины, поступившіе въ келейную патріаршую казну, но «Богъ свидѣтель, что я въ томъ пріобрѣтенія и корысти себѣ не стяжалъ. А дѣлалъ я на тѣ келейныя деньги въ домѣ пречистой Богородицы, для ризницы, митры и саккосы, епитрахили, стихари, поручи и пояса, кадила и лампады серебряныя. Еще давалъ я изъ той казны на сооруженіе церкви трехъ святителей московскихъ Петра, Алексія и Іоны, что на патріаршемъ дворѣ . . . Да тоюжъ келейною казною устроялъ домовыя села пречистой Богородицы, которыя запустѣли прежде насъ и которыя погорѣли въ наши дни, и сооружалъ въ тѣхъ селахъ церкви, населялъ христіанъ, давалъ на подмогу имъ деньги, и всячески пособлялъ отъ себя нуждающимся и погорѣвшимъ христіанамъ». Онъ былъ глубоко преданъ св. православной вѣрѣ. «Тебѣ христолюбивому царю Борису Ѳеодоровичу, — говоритъ онъ въ грамотѣ, — и твоему сыну Ѳеодору завѣщаваю, да блюдете во вѣки неизмѣнною и непоколебимою православную нашу чистую, непорочную и пречестнѣйшую христіанскую вѣру греческаго закона, которая, какъ солнце сіяетъ въ области вашего великаго скиптродержавія». Если къ этимъ нравственнымъ качествамъ Іова мы присоеди-

нимъ еще его умственное образованіе, которымъ онъ видимо выдѣлялся между современными духовными лицами, то мы поймемъ, почему такъ цѣнили его бывшіе тогда государи Россіи и такъ его возвышали. Немного сохранилось свѣдѣній объ его архипастырской дѣятельности, которыя мы изложили; но и на основаніи этихъ свѣдѣній нельзя не признать его святителемъ ревностнымъ и о распространеніи вѣры, и объ устройствѣ церковной іерархіи, и о благолѣпіи богослуженія. А его участіе въ государственныхъ дѣлахъ запечатлѣно было самою глубокою преданностію и неизмѣнною вѣрностію престолу и отечеству. Если патріархъ Іовъ столько содѣйствовалъ избранію на царскій престолъ Бориса Годунова, то, вѣдь, и по общему сознанію, Борисъ былъ способнѣйшій и достойнѣйшій изъ всѣхъ соискателей престола, и отъ Бориса болѣе, чѣмъ отъ всякаго другаго, можно было ожидать блага для государства. Если Борисъ запятналъ потомъ свое царствованіе разными тайными злодѣяніями, то ни откуда не видно, чтобы Іовъ какъ нибудь въ нихъ участвовалъ и даже зналъ объ нихъ; напротивъ, естественно думать, что отъ него-то особенно и скрывалъ Борисъ свои злые помыслы и предпріятія: предъ нимъ-то особенно и старался казаться истиннымъ ревнителемъ вѣры и благочестія, поборникомъ правды. Да и какимъ бы ни казался Борисъ на престолѣ, патріархъ болѣе другихъ обязанъ былъ помнить, что Борисъ законный царь и помазанникъ Божій, которому должно повиноваться, хотя бы и зналъ его нравственныя слабости и недостатки. Всѣми мѣрами, какія находились въ его власти, Іовъ старался предотвратить отъ своего отечества тѣ страшныя бѣдствія, какія несъ ему Лжедимитрій. И если не имѣлъ успѣха, если даже лишился своего святительскаго престола за свою непоколебимую ревность о правдѣ и благѣ отечества, при всемъ томъ вполнѣ заслужилъ имя истиннаго патріота».

Н. ТАЛЬБЕРГЪ.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Іоасафъ — царевичъ Индійскій.

19 ноября.

Велика Индія, богата, многонародна, прекрасна. Омываетъ ее теплое, синее море. Сушею касается она предѣловъ Персіи. Изобилуетъ страна эта хорошими плодами, цвѣтами красивыми. Въ Индіи проповѣдывалъ вѣру Христову самъ апостолъ Ѳома. Но только немногіе приняли христіанство — большинство осталось въ язычествѣ.

Во времена дальнія владѣлъ этою страною богатый царь Авениръ — лютый гонитель христіанъ, особенно ненавидѣвшій и истреблявшій иноковъ. Былъ у него сынъ — отрокъ красоты неизреченной. Царь души не чаялъ въ прекрасномъ царевичѣ и очень боялся, что Іоасафъ когда-нибудь сдѣлается христіаниномъ, т. к. вскорѣ послѣ рожденія Іоасафа онъ вопросилъ мудрѣйшихъ волхвовъ и звѣздочетовъ о судьбѣ сына, и они предсказали, что царство его будетъ нездѣшнимъ: будетъ въ царствѣ несравненно болѣе богатомъ, прекрасномъ, обширномъ, чѣмъ Индія. «Думаю, что онъ приметъ вѣру христіанскую, которую ты гонишь» — такъ сказалъ мудрецъ.

Испугался царь и опечалился, выслушавъ такое предсказаніе. Сталъ онъ размышлять, какъ бы предотвратить исполненіе пророчества, какъ бы измѣнить судьбу сына. Думалъ царь день и ночь. Наконецъ придумалъ. Выстроилъ онъ для Іоасафа отдѣльный

великолѣпный дворецъ и поселилъ въ немъ царевича. Онъ приставилъ къ нему молодыхъ, веселыхъ, здоровыхъ и красивыхъ слугъ. Никто не смѣлъ входить кромѣ нихъ во дворецъ. Царь заповѣдалъ слугамъ, чтобы они уберегали сына отъ всего печальнаго. Пусть Іоасафъ никогда не узнаетъ, что такое болѣзнь, что такое старость, смерть. Когда кто-нибудь изъ юныхъ слугъ заболѣвалъ, царь приказывалъ немедленно удалять больного. Пусть Іоасафъ никогда не узнаетъ, что есть въ жизни горе, несчастье, различныя скорби и огорченія. Пусть только радостное, веселое проходитъ передъ глазами Іоасафа. А главное, заповѣдалъ Авениръ, чтобы слуги никогда не произносили имени Іисуса Христа. Царевичъ, поклоняясь богамъ, не долженъ знать, что есть иная, христіанская, вѣра.

Іоасафъ проходилъ различныя языческія науки. Онъ былъ уменъ, прилеженъ. Разумный отрокъ, придя въ возрастъ, сталъ размышлять о причинѣ своего уединенія. За предѣлами его дворца находится міръ. «Отчего отецъ держитъ меня взаперти въ красивомъ дворцѣ, огороженномъ отъ всего міра?» — вопрошалъ себя отрокъ. Онъ спрашивалъ объ этомъ воспитателя. Царскій слуга, видя, что нельзя скрыть тайну отъ премудраго царевича, открылъ ему о пророчествѣ звѣздочета. Онъ повѣдалъ царевичу, что Авениръ жестоко избивалъ и гналъ иноковъ, чтобы въ его странѣ не оставалось ни одного христіанина, отъ котораго его сынъ могъ бы узнать о вѣрѣ христіанской. Горько было слышать доброму, сострадательному царевичу о печальной участи христіанъ въ Индіи. То была его первая дѣтская скорбь. Слова не проронилъ царевичъ. Но едва узналъ онъ о вѣрѣ Христовой, какъ она привлекла его дѣтское чистое сердце. Задумчивымъ, печальнымъ сталъ прекрасный царевичъ.

Царь Авениръ, безгранично любя своего сына, часто посѣщалъ его. Однажды Іоасафъ обратился къ отцу. «Хочу я о чемъ-то спросить тебя, отецъ мой, о чемъ скорблю и печалюсь». Больно стало сердцу царя Авенира. Не сумѣлъ онъ, значитъ, охранить сына своего. Спросилъ онъ отрока: «Открой мнѣ, дитя мое безцѣнное, причину твоей печали. Я постараюсь претворить ее въ радость». И повѣдалъ отцу Іоасафъ о скорби своей: «Почему ты держишь меня въ затворѣ, внутри высокихъ стѣнъ, за крѣпкими воротами, за запорами? Я не могу выйти въ міръ, и меня никто не видитъ». «Я не хочу, отвѣчалъ отецъ, чтобы ты увидѣлъ что-нибудь, что можетъ опечалить твое юное сердце. Я хочу, чтобы ты прожилъ жизнь свою въ веселіи, въ утѣхахъ». — «Напрасно ты думаешь, отецъ, что затворъ для меня веселіе. Я скорблю и печалюсь. Самая вкусная пища и напитки для меня горьки въ этомъ богатомъ, дворцѣ. Я хочу видѣть то, что совершается за

его воротами. Если ты воспротивишься моему желанію, я погибну отъ скорби». Очень опечалило царя желаніе его сына, но онъ не рѣшался отказать ему. Онъ приказалъ привести царевичу лучшихъ коней. И выѣхали съ царевичемъ слуги на волю, за высокія стѣны дворца. Царь приказалъ поставить по дорогѣ, гдѣ будетъ проѣзжать Іоасафъ музыкантовъ и пѣвцовъ, чтобы они услаждали слухъ царевича. Слуги должны были слѣдить, чтобы ничто скорбное не встрѣтилось бы царевичу. Такъ сталъ выѣзжать Іоасафъ изъ своего дворца въ сопровожденіи слугъ.

Однажды молодые слуги во время прогулки заговорились и оставили царевича безъ вниманія. Въ это время отрокъ на пути замѣтилъ прокаженнаго и слѣпца. Онъ подошелъ къ несчастнымъ и съ жалостью спросилъ ихъ: «Что съ вами? Почему вы такіе?» — «Мы страдаемъ по немощи тѣла человѣческаго, которое каждое мгновеніе можетъ стать больнымъ», — отвѣтили несчастные. — «Каждый-ли человѣкъ дѣлается, какъ и вы, больнымъ?» — спросилъ Іоасафъ. — «Нѣтъ, не со всякимъ такая бѣда приключается». — Можетъ-ли человѣкъ заранѣе знать, что его постигнетъ болѣзнь, или заболѣваютъ люди внезапно? — спросилъ царевичъ. — «Кто можетъ предугадать будущее? Оно сокрыто для смертныхъ», со вздохомъ отвѣтили несчастные. Замолчалъ царевичъ. Сердце его сжалось... Поблѣднѣлъ прекрасный Іоасафъ, измѣнился лицомъ. Сталъ печальнымъ, сосредоточеннымъ.

Все ему стало не мило. Свѣтлыя палаты казались мрачными, угрюмыми.

Опять вышелъ на прогулку царевичъ. На пути встрѣтился глубокій старецъ. Лицо его было изборождено глубокими морщинами. Сгорбленный, онъ едва передвигался. Зубы у него выпали, говорилъ онъ запинаясь, неразборчиво. Ужаснулся Іоасафъ. Онъ повелѣлъ подвести къ себѣ ближе старика. «Кто онъ такой, почему такимъ сдѣлался?» — «Ему просто много лѣтъ. Онъ теряетъ силы отъ старости, вотъ и дошелъ до такого безпомощнаго состоянія», — «А что же дальше будетъ съ нимъ?» — «Его приметъ смерть». — «Со всякимъ-ли человѣкомъ бываетъ подобное, или только съ нѣкоторыми?» — «Если смерть не застанетъ человѣка раньше, то каждый достигнетъ такой же старости, какъ и этотъ человѣкъ». — «А какихъ лѣтъ люди достигаютъ такой старости? Можно-ли избѣжать смерти?» — «Восьмидесяти-ста лѣтъ люди достигаютъ такой старости, а потомъ умираютъ — иначе быть не можетъ. Всѣхъ ждетъ неизбѣжный конецъ». Глубоко вздохнулъ царевичъ и сказалъ: «Если такъ, то горька жизнь. И кто можетъ оставаться безпечнымъ, зная что его ожидаетъ, можетъ быть, любую минуту смерть?»

Еще печальнѣе сталъ царевичъ. Глубокая тоска легла на его сердце. Онъ непрестанно размышлялъ о смерти и говорилъ себѣ:

«Если всѣ умираютъ, то и я умру. Я не знаю только — когда. Послѣ моей смерти, кто вспомнитъ обо мнѣ? Есть-ли послѣ смерти иная жизнь? Есть-ли иной міръ?» Смущалась душа царевича. Мысль о смерти не давала ему покоя. Но онъ не открылъ отцу своихъ мыслей. Онъ спросилъ своего воспитателя, который открылъ ему предсказаніе волхва; «есть-ли человѣкъ, который могъ бы открыть тайну жизни и смерти?» Воспитатель отвѣчалъ; «я тебѣ уже сказалъ, что отецъ твой уничтожилъ и изгналъ премудрыхъ пустынниковъ-христіанъ. Я не знаю ни одного христіанина, который-бы могъ отвѣтить на твои вопросы». Заскорбѣлъ царевичъ лютою скорбью. Красота міра померкла для него.

Господь, видя печаль Своего избранника, помогъ ему.

Въ пустынѣ Сенаридской жилъ премудрый инокъ, саномъ пресвитеръ, по имени Варлаамъ. По Божію откровенію онъ узналъ о скорби царевича Іоасафа. Онъ вышелъ изъ пустыни, переодѣлся купцомъ, сѣлъ на корабль и поплылъ въ Индію. Вотъ достигъ онъ города, гдѣ находился дворецъ царевича. Онъ долгое время разузнавалъ объ Іоасафѣ, объ его приближенныхъ. Ему разсказали и о его воспитателѣ. Варлаамъ пошелъ во дворецъ и велѣлъ ему доложить о себѣ. «Я купецъ, господинъ мой» — сказалъ ему блаженный инокъ. «Я пріѣхалъ изъ дальней страны и привезъ драгоцѣнный камень: во всемъ мірѣ не отыскать подобнаго. Я его никому не показывалъ. Введи меня къ царевичу, и я ему дамъ этотъ камень. Чего только не можетъ сдѣлать это сокровище? Слѣпымъ оно даетъ зрѣніе, глухимъ слухъ, нѣмымъ рѣчь, больнымъ — здоровье, изгоняетъ бѣсовъ, безумныхъ умудряетъ. Это — неоцѣнимое сокровище, единственное въ мірѣ».

Воспитатель подозрительно взглянулъ на купца: «Ты старый человѣкъ, а хвалишься неумѣренно. Много я видѣлъ драгоцѣнныхъ камней, жемчуговъ — ни одинъ изъ нихъ не можетъ совершить такихъ чудесъ. Покажи мнѣ его. Если то, что ты повѣдалъ мнѣ, есть истина, я тебя сейчасъ же введу къ царевичу».

«Я боюсь тебѣ показать камень. Если ты живешь грѣховно, нечисто, то, взглянувъ на него ослѣпнешь и сойдешь съ ума. Я боюсь оказаться причиною твоей слѣпоты. А о царевичѣ я слыхалъ, что онъ живетъ цѣломудренно, скромно, тихо. Потому я смѣло покажу ему мое сокровище. Не препятствуй, не лишай царевича такого неоцѣнимаго пріобрѣтенія».

— «Вѣрю твоимъ словамъ, отвѣтилъ воспитатель. Не смѣю и взглянуть на камень. Не показывай мнѣ его. Я доложу о тебѣ моему господину».

Когда Іоасафъ услышалъ о камнѣ, непонятная радость коснулась его сердца: точно онъ, во мракѣ, вдали увидѣлъ Свѣтъ Великій. Онъ просилъ воспитателя какъ можно скорѣе ввести купца.

Варлаамъ вошелъ въ палату царевича и низко ему поклонился. Царевиъ попросилъ его сѣсть. Воспитатель вышелъ изъ палаты. Іоасафъ попросилъ показать ему драгоцѣнный камень — и инокъ-купецъ, исполненный Духа Святаго, сталъ проповѣдывать вѣру Христову. Сердце Іоасафа таяло словно воскъ подъ огнемъ отъ благодатныхъ словъ вдохновеннаго проповѣдника. Онъ быстро понялъ, что безцѣнный камень — Христосъ Господь, Сынъ Божій, Спаситель міра.

Предъ его духовными очами засіяло Вѣчное Солнце Правды — источникъ веселія. Все въ мірѣ приняло новый смыслъ. Онъ понялъ, что эта печальная, временная жизнь есть только преддверіе къ нетлѣнной, вѣчной, блаженной жизни. Засіяла пресвѣтлая надежда будущей встрѣчи со Свѣтомъ Незаходимымъ. Тихое счастье воцарилось въ сердцѣ Іоасафа. Лице его преобразилось. Онъ весело взглянулъ своими прекрасными очами на прекрасный міръ Божій, премудро созданный Небеснымъ Художникомъ. Благодарными слезами заплакалъ потрясенный царевичъ. Варлаамъ сталъ ему близокъ, дорогъ — поистинѣ принесъ онъ сокровище безцѣнное. О, онъ никогда бы, никогда не хотѣлъ больше разлучаться съ Варлаамомъ!

Іоасафъ сталъ его разспрашивать о жизни въ пустынѣ. «Чѣмъ вы питаетесь, какова ваша одежда?» — спросилъ царевичъ. — «Питаемся мы плодами съ деревьевъ и зеліемъ, растущимъ въ пустынѣ. Иногда кто-либо изъ вѣрныхъ приноситъ намъ немного хлѣба. Одѣваемся во власяныя рубища, въ кожи овечьи и козьи, обветшавшія, съ заплатами. Зимою и лѣтомъ у насъ одна одежда. Меня сейчасъ покрываетъ другая одежда: мнѣ ее одолжилъ одинъ мірянинъ, чтобы не узнали, что я инокъ, иначе меня не пропустили бы во дворецъ».

Сталъ умолять царевичъ, чтобы Варлаамъ показалъ ему свою одежду. Варлаамъ снялъ верхнее одѣяніе. Въ страхѣ отступилъ царевичъ: плоть старца была измождена постомъ, вся высохла, почернѣла отъ палящихъ лучей жгучаго солнца пустыни. Кожа покрывала кости. Тѣло едва было покрыто разодраннымъ рубищемъ. Грубый поясъ перетягивалъ старца. Съ плечъ его ниспадала ветхая мантія. Поразился царевичъ многотрудной жизни старца, подивился его терпѣнію. О, какъ бы и онъ хотѣлъ такъ страдать ради Господа! Іоасафъ опустилъ голову, слезы брызнули изъ его свѣтлыхъ очей.

«Возьми меня съ собою въ пустыню» — проговорилъ царевичъ.

— «Объ этомъ пока сейчасъ и думать нельзя. Изъ-за тебя пострадаютъ въ пустынѣ отшельники. Отецъ твой, ихъ будетъ уничтожать, преслѣдовать, если ты уйдешь со мною. Пріими святое крещеніе и останься здѣсь. Я уйду одинъ. Когда Господь пожела-

етъ, ты уйдешь ко мнѣ въ пустыню. Надѣюсь, что мы не только въ будущей жизни, но еще и въ этой будемъ жить вмѣстѣ». Іоасафъ со слезами отвѣтилъ: «Если такова воля Божія, то дай мнѣ святое крещеніе. А отъ меня возьми золото и отнеси его братьямъ-пустынникамъ. Пусть они купятъ пищу и одежду». — «Богатые даютъ убогимъ, а не убогіе богатымъ. Ты, будучи бѣднымъ, хочешь дать богатымъ? Самый несовершенный нашъ братъ богаче тебя. Но я надѣюсь на щедрость Божію. И ты понемногу обогатишься сокровищами. Но когда ты самъ разбогатѣешь, то сдѣлаешься скупымъ и неподатливымъ». Царевичъ не понялъ, что хотѣлъ сказать ему Варлаамъ. Старецъ объяснилъ ему, что оставляющіе земное обогащаются небесными благами. Самый меньшій небесный даръ дороже всѣхъ богатствъ міра. «Отъ золота происходитъ грѣхъ. Я не понесу его братьямъ, чтобы не давать имъ повода къ искушенію».

Іоасафъ покорился волѣ Божіей, Онъ сталъ усердно приготовляться къ святому крещенію. Вскорѣ Варлаамъ крестилъ своего ученика и причастилъ его животворящихъ Таинъ Христовыхъ. Наставивъ его, онъ ушелъ въ домъ, гдѣ обиталъ подъ видомъ купца. Слуги и воспитатели царевича съ подозрѣніемъ поглядывали на стараго купца, часто посѣщавшаго царевича. Царскій любимецъ, вѣрный Зарданъ, особенно близкій Іоасафу, сказалъ ему однажды: «Ты знаешь, какъ я боюсь отца твоего, насколько ему вѣренъ. Онъ поставилъ меня усердно служить тебѣ, я долженъ тебѣ замѣтить, что я начинаю подозрѣвать: не христіанинъ-ли купецъ, который тебя посѣщаетъ? Если этотъ купецъ научитъ тебя вѣрѣ христіанской. царь казнитъ меня. Ты о немъ доложи царю и перестань съ нимъ бесѣдовать. Или меня отошли отъ себя, чтобы снять съ меня отвѣтъ». Царевичъ сказалъ ему: «О Зарданъ, скройся за завѣсою. Сейчасъ придетъ купецъ. Послушай его бесѣду, а потомъ мы съ тобой поговоримъ».

Едва только Варлаамъ вошелъ во дворецъ, какъ царевичъ скрылъ Зардана за завѣсою. Іоасафъ попросилъ Варлаама хорошенько утвердить его въ вѣрѣ Христовой и повторить ему прежде реченное. Благодатный старецъ сталъ вдохновенно проповѣдывать Христову вѣру. Пробывъ у царевича довольно долгое время, онъ вернулся домой. Желая провѣрить Зардана, Іоасафъ сдѣлалъ видъ, что слова старца его не трогаютъ. «Ты слышалъ, о чемъ говорилъ этотъ старикъ-обманщикъ. Онъ хочетъ лишить меня наслѣдства, веселой прекрасной жизни и привести къ Своему Богу». Умный Зарданъ отвѣчалъ: «Не испытывай, господинъ, раба твоего, я вѣдь давно замѣчаю перемѣну въ тебѣ. Глубоко запали въ сердце твое слова этого человѣка. Мы сами знаемъ, что онъ проповѣдуетъ чистѣйшую истину. Но съ тѣхъ поръ,

какъ отецъ твой воздвигъ гоненіе на христіанъ, — погибла эта вѣра. Если ты сможешь понести тяжесть, которую налагаетъ эта вѣра, слѣдуй влеченію сердца. Но что мнѣ сдѣлать? Я и взглянуть не могу на тѣ труды, которые налагаетъ христіанство. И я боюсь царя».

Съ разочарованіемъ слушалъ царевичъ рѣчь вѣрнаго Зардана. Онъ былъ привязанъ къ нему всею душою и думалъ, что какъ только онъ услышитъ проповѣдь христіанства, такъ тотчасъ увѣруетъ, и они пойдутъ одной дорогой. Іоасафъ только просилъ Зардана не говорить царю ничего до времени.

На слѣдующее утро Варлаамъ пришелъ въ послѣдній разъ. Горько плакалъ царевичъ. На память попросилъ онъ у духовнаго отца своего его ветхую мантію. Инокъ съ радостію исполнилъ эту просьбу. Онъ утѣшалъ его, говоря, что они, по волѣ Божіей, увидятся и будутъ жить вмѣстѣ. Для царевича старая ветхая мантія была теперь дороже царской порфиры.

Послѣ ухода старца, блаженный Іоасафъ сталъ такъ жестоко подвизаться ради Господа, что Зарданъ, придя въ отчаяніе, притворился больнымъ и затворился у себя въ домѣ. Авениръ послалъ къ нему искуснѣйшаго врача и тотъ доложилъ царю, что причина болѣзни Зардана какое-то большое огорченіе. Царь рѣшилъ, что сынъ его опечалилъ чѣмъ-то своего слугу и захотѣлъ самъ навѣстить Зардана. Воспитатель, провѣдавъ объ этомъ, поспѣшилъ явиться къ царю, палъ ницъ передъ нимъ, и, сознавая себя достойнымъ всякаго наказанія, повѣдалъ Авениру: «Какой-то лукавый человѣкъ, — волхвъ, чародѣй по имени Варлаамъ — пришелъ изъ пустыни и сталъ проповѣдывать о вѣрѣ Христовой нашему царевичу. Онъ повѣрилъ его словамъ, и теперь царевичъ — душою и тѣломъ принадлежитъ Христу». Зашатался царь отъ такого извѣстія. Темная, слѣпая ярость его охватила. Онъ позвалъ къ себѣ Арахію, премудраго звѣздочета, совѣтника своего, и повѣдалъ о происшедшемъ. Тотъ, утѣшая Авенира, сказалъ: «Если мы найдемъ Варлаама, то легко сможемъ отвратить царевича отъ христіанства. А если Варлаама и не найдемъ, то и тутъ печалиться не будемъ. Въ пустынѣ проживаетъ кудесникъ по имени Нахоръ — мой учитель-звѣздочетъ. Я знаю и Варлаама, я и его видѣлъ. Нахоръ какъ двѣ капли воды похожъ на Варлаама. Мы позовемъ его изъ пустыни, прикажемъ называться Варлаамомъ, и будемъ спорить о вѣрѣ. Онъ, конечно, какъ нашъ, дастъ себя переспорить, и царевичъ увидитъ, что не христіанская, а наша вѣра — истинная. Царевичъ вернется снова къ богамъ».

Авениръ послалъ немедленно Арахію со многими слугами искать Варлаама. Посланные забрались въ самыя дебри Сенаридской пустыни. Наконецъ, они встрѣтили подъ одной горою скры-

вавшихся пустынниковъ. Арахія сталъ разспрашивать старшаго изъ нихъ, гдѣ живетъ Варлаамъ. Пустынникъ, конечно, не открылъ врагу христіанъ мѣстопребываніе преподобнаго. Арахія съ угрозами сталъ допытываться у другихъ братьевъ, но всѣ молчали. Тогда царскій слуга самъ сталъ по всей пустынѣ искать Варлаама, захвативъ съ собою всѣхъ семнадцать братьевъ. Онъ повелъ иноковъ и къ царю Авениру. Послѣдній долго и безрезультатно принуждалъ ихъ указать, гдѣ находится Варлаамъ и, наконецъ, въ ярости приказалъ отрѣзать имъ языки и выколоть глаза, отсѣчь руки и ноги: такъ кончили свою жизнь страдальцы за Господа.

Послѣ ихъ казни Арахія пошелъ тайно ночью къ Нахору-волхву. Онъ умолилъ его притвориться Варлаамомъ. Арахія возвратился къ царю. Приготовивъ отрядъ воиновъ, онъ пустилъ слухъ, что идетъ розыскивать Варлаама.

Отрядъ прошелъ въ пустыню. Нахоръ появился изъ какой-то дебри. Воины погнались за нимъ; Арахія, словно не зная Нахора, спросилъ: «Кто ты?» — «Я — Варлаамъ». — отвѣтилъ волшебникъ. Солдаты обрадовались, связали его и привели къ царю. Пошелъ слухъ, что пойманъ Варлаамъ. Царевичъ сильно опечалился, но Господь открылъ ему, что взятъ не Варлаамъ, но волшебникъ Нахоръ.

Авениръ поспѣшилъ къ сыну и угрозами и ласкою сталъ принуждать его отказаться отъ вѣры Христовой. Іоасафъ, объятый любовью божественной, сталъ премудро доказывать отцу пустоту язычества и величіе вѣры христіанской. О, онъ готовъ идти хоть сейчасъ на смерть ради Христа Своего, Сына Божія.

Авениръ сказалъ Іоасафу: «О, дитя мое! Ты долженъ повиноваться мнѣ. Но если ты непокоренъ, и считаешь себя умнѣе отца, то отложимъ споръ, а сдѣлаемъ такъ: Варлаамъ, прельстившій тебя, схваченъ. Я устрою собраніе. Пусть сойдутся наши мудрецы, а во главѣ съ Варлаамомъ пусть безбоязненно соберутся христіане. И пусть обѣ стороны спорятъ, какая вѣра лучше. Если христіане переспорятъ мудрецовъ, я разрѣшу имъ свободно исповѣдывать свое ученіе. А если наша сторона одолѣетъ — ужъ не гнѣвайся: всѣ христіане должны будутъ повиноваться моему повелѣнію». — «Да будетъ воля Господня», кротко отвѣтилъ Іоасафъ. Богъ поможетъ намъ не сойти съ праваго пути».

Состоялся великій соборъ. Явились жрецы, волхвы — персидскіе, халдейскіе, индійскіе. Христіанъ было мало, такъ какъ почти всѣ были перебиты, а спасшіеся скрывались въ горахъ, и глубокихъ пустыняхъ. Былъ только одинъ чрезвычайно свѣдущій въ Божественномъ Писаніи, нѣкій Варахія. Онъ пришелъ безстрашно на помощь мнимому Варлааму, — не зная, что это Нахоръ-волшебникъ.

Царь сидѣлъ на высокомъ престолѣ. Онъ хотѣлъ и сына посадить рядомъ, но Іоасафъ почтительно сѣлъ на землю, у ногъ отца. Авениръ приказалъ привести мнимаго Варлаама. Царь обратился къ защитникамъ своей вѣры съ такою рѣчью: «Предстоитъ вамъ нелегкое дѣло. Великой чести вы сподобитесь, если вы выиграете споръ. Но горе вамъ, если васъ переспорятъ христіане. Всѣхъ васъ погублю, а тѣла ваши брошу на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ, ваши же дѣти будутъ рабами вѣчными». Кончилъ царь грозную рѣчь, тогда началъ говорить царевичъ:

«Праведно ты разсудилъ, о царь! А я такъ скажу своему учителю». Обращаясь къ Нахору, онъ сказалъ ему: «Я жилъ до твоего прихода въ нѣгѣ, въ наслажденіяхъ. Ты научилъ меня отречься оъ нашихъ боговъ и служить Невѣдомому Богу, жить жестокой жизнью, полной лишеній. Благодаря тебѣ я раздражилъ своего отца и владыку. Если ты докажешь величіе и истинность вѣры христіанской, то я до смерти буду служить Христу. А если тебя побѣдитъ противоположная сторона, то вѣдь и я буду посрамленъ, и тогда я уже отомщу тебѣ за мой позоръ. Ногами встану на грудь тебѣ, собственными руками вырву твое сердце и языкъ, и брошу вмѣстѣ съ тѣломъ твоимъ псамъ на съѣденіе. Пусть будутъ наказаны тѣ, кто дерзаютъ обольщать сыновъ царевыхъ».

Не ожидалъ устрашенный Нахоръ услышать отъ Іоасафа такую грозную рѣчь. Увидѣлъ волшебникъ, что попался въ собственную сѣть, что упалъ въ яму, которую выкопалъ. Смерть уготована ему, если онъ прогнѣваетъ царевича. И рѣшилъ Нахоръ защищать вѣру Христову.

Начались пренія. Съ утра до вечера продолжался споръ. Духъ Святый сошелъ на волшебника Нахора, благодать Божія осѣнила его. Вдохновенно лилась рѣчь человѣка, познавшаго истину, узрѣвшаго Свѣтъ Незаходимый. Говорилъ онъ такъ премудро, что ни одинъ языческій жрецъ, ни одинъ искуснѣйшій волшебникъ не могли его переспорить. Наконецъ, философы, волхвы, жрецы замолчали всѣ — и стояли унылые, поникшіе. Царскій сынъ прославлялъ Бога. Царь же съ княземъ Арахіей были въ гнѣвѣ и недоумѣніи. Волшебникъ Нахоръ,ревнитель отеческихъ боговъ, защищаетъ вѣру Христову, да какъ защищаетъ! О, какъ хотѣлось бы замучить его, а съ нимъ и всѣхъ христіанъ. Только стыдно преступить слово царское. Вѣдь обѣщано никому изъ нихъ не дѣлать зла.

Царь приказалъ собору разойтись до утра. Царевичъ обратился къ царю: «О, царь, будь правосуденъ до конца, повели моему учителю провести ночь со мною, чтобы мы вмѣстѣ приготовились, какъ мы будемъ говорить завтра, а ты своихъ защит-

никовъ возьми къ себѣ, и вы также обдумаете, какъ завтра будете говорить. Или пусть Варлаамъ проведетъ ночь у тебя, а жрецы у меня. Если же обѣ стороны останутся у тебя, то мой учитель будетъ въ великомъ страхѣ, а твои радостны и покойны. А гдѣ справедливость?» Царь внялъ словамъ сына. Онъ взялъ жрецовъ къ себѣ, а Нахора оставилъ царевичу: онъ таилъ надежду, что волшебникъ исполнитъ свое обѣщаніе и отвратитъ Іоасафа отъ вѣры Христовой.

Святой Іоасафъ сказалъ Нахору: «Ты думаешь, я не знаю, кто ты? Ты Нахоръ. Однако, прекрасно ты поступилъ, защищая вѣру Христову. Вѣруй въ Того, имя Котораго ты доблестно сегодня защищалъ». Добрыя слова царевича потрясли сердце стараго волшебника. На душу его сошло умиленіе. Онъ сталъ искренно каяться во грѣхахъ своихъ. Онъ жаждалъ соединенія съ Господомъ. Онъ сталъ умолять блаженнаго Іоасафа, чтобы тотъ разрѣшилъ ему тайно бѣжать въ пустыню. Наставивъ его въ вѣрѣ, Іоасафъ отпустилъ его съ миромъ. Нахоръ скрылся ночью. Въ пустынѣ онъ принялъ крещеніе и сталъ въ покаяніи проводить дни свои.

Утромъ до царя дошла вѣсть, что Нахоръ бѣжалъ. Видя, что всѣ его философы, жрецы, волшебники посрамлены, онъ повелѣлъ ихъ люто наказать. Иные были жестоко избиты, другимъ онъ велѣлъ сажею вымазать лица. Затѣмъ разогналъ. Съ этого момента Авениръ пересталъ почитать жрецовъ и пересталъ приносить идоламъ жертвы. Стоялъ царь на распутьи: богамъ онъ не вѣрилъ, вѣру христіанскую не принималъ. Къ Іоасафу же многіе стали приходить и, слушая его проповѣдь, принимали христіанство. Жрецы были крайне опечалены. Они задумали такое дѣло. Въ дальней пустынѣ проживалъ великій волшебникъ Февда. Посланные отъ жрецовъ повѣдали ему все происшедшее, и умоляли помочь. Февда, взявъ съ собою силу бѣсовскую, явился къ Авениру. Дерзновенно сталъ онъ убѣждать царя вернуться къ идолопоклонству и устроилъ большой праздникъ въ честь боговъ. Чтобы отвратить царевича отъ вѣры, онъ посовѣтовалъ изъ дворца блаженнаго Іоасафа отослать всѣхъ слугъ и замѣнить ихъ красивыми дѣвицами и юными женщинами. Авениръ такъ и сдѣлалъ. Онъ надѣялся, что въ безпечномъ, веселомъ обществѣ юный царевичъ забудетъ о строгой, цѣломудренной жизни истиннаго христіанина. Предстояло царскому сыну пережить немалое искушеніе.

Среди женскаго цвѣтника юности, онъ невольно обратилъ вниманіе на одну плѣнницу, дочь враждебнаго Авениру царя. Онъ сначала ее просто пожалѣлъ, Потомъ онъ рѣшилъ сдѣлать ее христіанкой. Онъ сталъ съ ней съ любовью бесѣдовать. «Познай

Создателя» — говорилъ царской дочери Іоасафъ. Ты будешь блаженна. Будь невѣста Христова». Царевна не была чиста душою. Она рѣшила уловить юного Іоасафа въ свои сѣти: «Я буду служить твоему Богу, буду служить Ему до послѣдняго издыханія, если ты исполнишь мою просьбу. Я исполню твою просьбу, если ты, о мой повелитель, назовешь меня своею супругою». — «Зачѣмъ ты дерзаешь, о дѣвица, говорить мнѣ слова такія? Я желаю твоего спасенія. Самъ же я хочу съ Божіей помощью проводить, ради любви къ моему Господу, жизнь цѣломудренную». Лукаво отвѣтила отроковица: «Ты, господинъ мой, исполненъ всякой премудрости. Неужели ты почитаешь скверною супружество? Я читала христіанскія книги на родинѣ и мнѣ приходилось говорить съ христіанами. Развѣ древніе патріархи не были женаты? Апостолъ Петръ не имѣлъ ли жены?» «Конечно, отвѣчалъ Іоасафъ, бракъ не скверна для тѣхъ, кто не обѣщалъ Господу хранить дѣвство. Я же далъ этотъ обѣтъ: великій грѣхъ — преступить его». — Блаженный чувствовалъ, какой соблазнъ для него прекрасная отроковица. Онъ ушелъ уединился въ своей палатѣ и горячо сталъ молить Господа, вырвать изъ его сердца любовь къ прекрасной царевнѣ, чтобы сохранить чистою любовь къ Чистѣйшему . . . Долгіе часы молился блаженный, простираясь на землѣ, проливая горячія слезы. Изнеможенный, онъ погрузился въ сонъ. Видитъ онъ дивныхъ мужей. Они берутъ его съ собою, проводятъ чрезъ мѣста красоты неописуемой, выводятъ на широкое поле, благоухающее нездѣшними цвѣтами. Видитъ блаженный сады красоты неземной. На деревьяхъ растутъ плоды, на которые сладостно взглянуть. Листья деревьевъ весело шумятъ подъ легкимъ, нѣжнымъ дуновеніемъ вѣтра, издавая благовоніе. Подъ деревьями стоятъ престолы изъ чистого золота, украшенные драгоцѣнными камнями. Отъ нихъ исходятъ пресвѣтлые лучи. Стоятъ ложа златыя, застланныя несказанно-красивыми покрывалами. Среди небесныхъ вертоградовъ журчатъ ручьи чистѣйшіе. Глядя на ихъ прозрачныя кристальныя воды, веселится душа. Миновали поле — выросъ сіяющій городъ. Стѣны его — изъ чистаго золота и изъ драгоцѣнныхъ камней: на землѣ такихъ драгоцѣнностей никто не видѣлъ. Столбы и ворота изъ цѣлаго жемчуга. Кто смертный можетъ описать всю красоту, свѣтлость, великолѣпіе райскаго города? Улицы его пронизаны необыкновенно яркими лучами. Крылатые, свѣтлые воины ходятъ по городу, поютъ несказанно-сладостныя пѣсни. Ухо человѣческое не слышало такого пѣнія. Раздается голосъ: «Это — мѣсто упокоенія праведныхъ. Это — радость людей, угодившихъ въ жизни своей Господу». Дивные мужи хотятъ вести его назадъ, но онъ, плѣненный красотою этого мѣста, говоритъ имъ: «Умоляю васъ, не

лишайте меня этой радости неизреченной, разрѣшите мнѣ пожить хотя бы въ одномъ изъ уголковъ этого райскаго города». — «Нѣтъ, ты не сподобился еще пребывать здѣсь, много труда надо положить, чтобы удостоиться обитать въ этомъ небесномъ градѣ», — отвѣчаютъ мужи и снова ведутъ Іоасафа по пространному полю. Они оказываются въ мрачномъ мѣстѣ. Невыразимая печаль, скорбь лютая, сѣтованіе царятъ тамъ. Вмѣсто райскаго мира, свѣта, упокоенія, блеска — все тамъ исполнено смятенія, тьмы, безпокойства. Слышится грозный голосъ: «Это — мѣсто мученія грѣшниковъ». Дивные мужи выводятъ трепещущую душу царевича изъ ада. Онъ просыпается, приходитъ въ себя.

Рѣки слезъ полились изъ очей Іоасафа. О, онъ сохранитъ чистоту свою, ради Господа! Онъ не нарушитъ обѣта, до смерти будетъ трудиться для Господа, ради Любимаго будетъ вести жизнь, полную лишенія, только бы не лишиться лицезрѣнія Господа, ибо только чистые сердцемъ узрятъ эту Свѣтоносную Красоту. Душа его тутъ же содрогалась отъ ощущенія адскихъ мученій, скорби невыразимой, печали, горя, мукъ, которыя онъ только что пережилъ. Онъ вспоминалъ еще стоявшую передъ его глазами райскую красу небеснаго града и жаждалъ только единой этой красоты, забывая всѣ наслажденія земныя. Нѣтъ, онъ не соединитъ себя узами брака съ иноземною царевною. Онъ будетъ радостно, свободно служить Богу своему.

Отъ только что пережитой, тяжкой душевной борьбы, скорби, отъ видѣнія мрачнаго ада, заболѣлъ царевичъ. Онъ не могъ встать съ одра своего.

Авениру доложили, что сынъ его боленъ. Царь поспѣшилъ къ царевичу. Іоасафъ открылъ отцу причину болѣзни, тяжесть искушенія, видѣніе ада, приведшее его въ трепетъ. Онъ сталъ умолять отца отпустить его въ пустыню къ учителю своему, Варлааму. «Если ты меня здѣсь будешь держать силою, я умру отъ печали». Съ поникшей головою вернулся царь въ свою палату, къ Февдѣ. Онъ сталъ укорять стараго волшебника: «Вотъ ваша сила, — одного отрока, и того не смогла побѣдить» — «Мы не можемъ одолѣть Христа. Мы не можемъ смотрѣть на крестное знаменіе, которымъ ограждаетъ себя твой сынъ», — принуждаемый Богомъ, откровенно признался Февда.

Царь повелъ волшебника къ Іоасафу. Февда сталъ спорить съ блаженнымъ отрокомъ о вѣрѣ, но Іоасафъ, укрѣпляемый Божіею благодатію, легко взялъ верхъ надъ служителемъ демоновъ. Февда стоялъ словно окаменѣлый. Наконецъ, онъ пришелъ въ себя и сказалъ: «О, царь, Духъ Святый обитаетъ въ сынѣ твоемъ. Мы должны признать себя побѣжденными. Великъ Богъ христіанъ! Велика ихъ вѣра! Велики ихъ таинства!» Обратившись къ царевичу, онъ спросилъ: «О, святая душа, скажи мнѣ, приметъ-

ли меня Христосъ, если я откажусь отъ всѣхъ моихъ злыхъ дѣлъ и обращусь къ Нему?» Святый Іоасафъ сталъ говорить о покаяніи грѣшниковъ и о милости Божіей, пріемлющей искренно кающихся. Умиленіе тронуло сердце волшебника Февды... Онъ убѣжалъ въ свою пустынную пещеру, сжегъ свои чародѣйныя книги, и какъ Нахоръ, сподобившись крещенія, остатокъ своихъ дней прожилъ въ великомъ покаяніи.

Авениръ не зналъ, какъ же поступить ему съ сыномъ. Арахія посовѣтовалъ ему раздѣлить царство на двѣ части и отдать половину сыну. Онъ говорилъ: «О, царь! Если ты сына своего будешь мучить, то будешь не отцомъ, но мучителемъ сына. И его погубишь, и самъ останешься безчаднымъ. Пусть онъ царствуетъ въ своей половинѣ, отвлекаясь отъ христіанской жизни многими заботами. Постепенно и отойдетъ онъ отъ этого ученія, а если и останется христіаниномъ, то ты будешь утѣшаться сознаніемъ, что у тебя есть сынъ возлюбленный».

Авениръ поступилъ по совѣту Арахіи. Царевичъ Іоасафъ, хотя и жаждалъ безмолвнаго иноческаго житія, подчинился желанію отца.

Принявъ подъ свою власть половину царства, онъ сталъ ревностно насаждать христіанство, разрушалъ капища, ниспровергалъ идоловъ. Онъ воздвигалъ по всей странѣ храмы Божіи. Ширилась въ его предѣлахъ вѣра христіанская, расцвѣтала цвѣтомъ благовоннымъ. Скрывавшіеся въ горахъ и пустыняхъ епископы, пресвитеры, иноки стали выходить изъ своихъ дебрей. Юный царь ихъ съ радостью принималъ и вмѣстѣ съ ними трудился надъ спасеніемъ душъ человѣческихъ. Онъ вскорѣ всю свою область просвѣтилъ свѣтомъ вѣры Христовой.

Со слезами молилъ онъ Господа объ обращеніи отца. И Милосердый коснулся свѣтомъ благодати сердца Авенира. Для царя вдругъ засіяла заря вѣчной истины, онъ созвалъ своихъ совѣтниковъ и открылъ имъ желаніе своего сердца. Приближенные похвалили доброе намѣреніе. Царь написалъ посланіе сыну своему. Получивъ письмо отца, исполнился тотъ радости неизреченной: отецъ его — ярый гонитель христіанъ — обращается ко Христу!

Іоасафъ немедленно поѣхалъ къ царю Авениру. Онъ наставилъ его и привелъ къ святому крещенію. О, дивныя, Божія чудеса! Сынъ дѣлается духовнымъ отцомъ своего родителя. Не только царь Авениръ, а и всѣ его совѣтники, воины, рабы, а за ними и вся земля Индійская приняли святое крещеніе. Велика была радость на землѣ и на небѣ! На небѣ Божіи ангелы радовались о безчисленныхъ кающихся грѣшникахъ.

Послѣ крещенія, царь Авениръ власть передалъ сыну, самъ же пребывалъ въ уединеніи и безмолвіи, въ пламенномъ покая-

ніи. Богоугодно проживъ четыре года, онъ въ мирѣ преставился ко Господу.

Послѣ смерти Авенира, царь Іоасафъ, созвавъ совѣтниковъ и начальниковъ, открылъ имъ тайное желаніе сердца своего: уйти въ пустыню. Кто можетъ описать скорбь собравшихся? Какъ они смогутъ жить безъ своего доброго, святого царя? Люди не могли удержаться отъ слезъ. Вмѣсто себя Іоасафъ рѣшилъ поставить царемъ Варахію, давняго христіанина, который нѣкогда выступалъ на защиту вѣры противъ всѣхъ нечестивыхъ индійскихъ мудрецовъ. Варахія отказывался, говоря: «О царь, люби ближняго, какъ самаго себя. Если царствовать хорошо, то царствуй самъ, а если плохо, то зачѣмъ ты мнѣ передаешь власть?»

Іоасафъ ночью написалъ грамоту, поручивъ всѣхъ Богу и повелѣвая никого не поставлять царемъ, кромѣ одного Варахіи. Письмо онъ оставилъ въ своей ложницѣ, самъ же тайно ушелъ въ пустыню. Утромъ приближенные царя нашли эту грамату. Пошелъ слухъ въ народѣ объ уходѣ любимаго царя въ пустыню. Въ невыразимой печали люди поспѣшили вслѣдъ за царемъ. Послѣ долгихъ поисковъ они нашли его въ одномъ сухомъ потокѣ. Онъ молился, воздѣвъ руки къ небесамъ. Люди упали ницъ передъ царемъ. Съ плачемъ умоляли они его возвратиться. Блаженный царь не могъ отказать имъ и на нѣкоторое время вернулся въ свой престольный городъ. Онъ собралъ вскорѣ своихъ приближенныхъ и сказалъ: «Напрасно вы противитесь волѣ Господней, удерживая меня». Твердо и непоколебимо онъ отказался отъ царства. Противъ желанія Варахіи онъ возложилъ на него царскій вѣнецъ и посадилъ на свой престолъ. Онъ его наставилъ, какъ ему слѣдуетъ управлять царствомъ. Въ послѣдній разъ попрощался царь съ огорченнымъ народомъ, вышелъ изъ дворца и города и устремился въ пустыню. Плачущій народъ вмѣстѣ съ Варахіей и властями провожали его. Іоасафъ убѣждалъ ихъ не мѣшать ему въ безмолвіи служить Господу... День преклонился къ вечеру. Настала ночь. Ея мракъ скрылъ удаляющагося блаженнаго царя. Іоасафъ разлучился тѣломъ, но не душою, съ любимымъ имъ народомъ. Онъ остался горячимъ молитвенникомъ о людяхъ своихъ.

Іоасафъ вошелъ въ домъ одного нищаго, отдалъ ему свою великолѣпную одежду, самъ же одѣлся во власяное рубище, которое ему оставилъ Варлаамъ. Онъ направился въ пустыню, не взявъ съ собою ни хлѣба, ни воды, никакой иной пищи. Онъ предалъ себя на попеченіе Господа, горя къ Нему любовью серафима. Царь умолялъ Всемогущаго, чтобы Онъ указалъ ему мѣстопребываніе своего духовнаго отца, Варлаама. Черезъ два года поисковъ, послѣ всевозможныхъ лишеній, нашелъ онъ въ Сенаридской пустынѣ пещеру пустынника, который указалъ ему

тропинку, ведущую къ келліи Варлаама. Поспѣшилъ Іоасафъ по завѣтной стезѣ. Вотъ и пещера. Онъ подошелъ къ дверямъ: «Благослови, отецъ, благослови!» Варлаамъ, услышавъ голосъ, вышелъ изъ вертепа. Онъ узналъ душою, что передъ нимъ его ученикъ, бывшій прекрасный, юный царевичъ Іоасафъ. По внѣшнему виду нельзя было его узнать — блаженный почернѣлъ отъ жгучихъ лучей пустыни. Варлаамъ видѣлъ передъ собою худощавый ликъ, высохшія отъ безмѣрнаго поста щеки, глаза глубоко впавшіе. По плечамъ ниспадали длинные волосы.

Старецъ повернулся лицомъ къ востоку и вознесъ Господу благодарственную молитву. Послѣ молитвы старецъ и блаженный царь съ великою любовью поцѣловались лобзаніемъ святымъ. Теплыя слезы радости струились по ихъ лицамъ. Сѣли они и стали мирно бесѣдовать.

— «Какъ хорошо, что ты пришелъ, дитя возлюбленное, дитя Божіе, наслѣдникъ небеснаго царствія. Да подастъ тебѣ Господь вмѣсто благъ временныхъ — вѣчныя, вмѣсто тлѣнныхъ — нетлѣнныя. Прошу тебя, возлюбленный, повѣдай мнѣ, какимъ образомъ ты пришелъ сюда, что съ тобою было послѣ моего ухода? Позналъ-ли Господа твой отецъ, или до сихъ поръ находится въ заблужденіи?»

Блаженный Іоасафъ повѣдалъ все съ нимъ бывшее. Старецъ, слушая разсказъ, радовался, прославляя Господа.

Наступилъ вечеръ, Варлаамъ подѣлился съ царемъ своею скудною трапезою. Онъ далъ ему зеліе невареное, немного финиковъ и воду изъ бывшаго на томъ мѣстѣ источника. Укрѣпивъ тѣла пищею, въ радости и простотѣ сердца возблагодарили они Господа. Потомъ стали возносить Богу ночныя молитвы. До утренняго пѣнія вели они духовныя бесѣды.

Такъ сталъ святой царь блаженно пребывать въ пустынѣ вмѣстѣ со своимъ любимымъ духовнымъ отцомъ. Когда преподобный Варлаамъ приблизился къ кончинѣ, онъ позвалъ своего ученика возлюбленнаго и сказалъ ему: «Дитя мое! Хочу я видѣть тебя передъ кончиною. Однажды, когда я молился о тебѣ, явился мнѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и обѣщалъ привести тебя ко мнѣ. Вотъ, Господь исполнилъ мое желаніе: вижу тебя, отрекшагося отъ міра и отъ всего, что есть въ мірѣ и соединившагося со Христомъ. Насталъ часъ моего отшествія. Покрой мое тѣло землею. Отдай прахъ — праху. Самъ же оставайся на этомъ мѣстѣ, проводи жизнь духовную, и не забывай меня».

Іоасафъ, услышавъ слова старца, горько рыдалъ, и св. Варлаамъ едва могъ утѣшить его. Затѣмъ онъ послалъ блаженнаго царя къ братьямъ, живущимъ въ этой пустынѣ, и чтобы принесъ онъ все необходимое для совершенія Божественной литургіи.

Преподобный Іоасафъ исполнилъ просьбу своего духовнаго отца и поспѣшно вернулся домой.

Варлаамъ, укрѣпляемый Богомъ, совершилъ Божественную литургію и оба, учитель и ученикъ, причастились Божественныхъ Таинъ. Старецъ сказалъ послѣднее слово ученику своему, въ послѣдній разъ наставилъ блаженнаго царя. Послѣ долгой молитвы, онъ отечески обнялъ Іоасафа, въ послѣдній разъ поцѣловалъ его и благословилъ. Тихо опустился онъ на землю. Лицо его просвѣтлѣло, засіяло радостью, — точно онъ увидѣлъ близкихъ друзей. Благостно, мирно отошелъ онъ ко Господу, проживъ въ пустынѣ семьдесятъ лѣтъ. Всего же ему было сто лѣтъ отъ рожденія.

Много слезъ пролилъ блаженный надъ тѣломъ его. День и всю ночь пѣлъ онъ надъ нимъ псалмы. Утромъ онъ выкопалъ могилу близъ пещеры и похоронилъ въ ней святое тѣло своего духовнаго отца. Іоасафъ сѣлъ близъ могилы. Изнемогши отъ рыданія, онъ уснулъ. Во снѣ ему явились тѣ дивные мужи, которыхъ онъ видѣлъ нѣкогда царевичемъ, когда ему пришло искушеніе жениться на царевнѣ-плѣнницѣ. Эти мужи провели его чрезъ прекрасное поле, которое онъ уже раньше видѣлъ, и снова ввели его въ пресвѣтлый городъ. Когда онъ входилъ въ ворота, его встрѣтили Божіи ангелы, несущіе два неизреченно прекрасныхъ вѣнца. «Кому принадлежатъ эти прекрасные свѣтлые вѣнцы?» — спросилъ блаженный царь. Отвѣчали ангелы: «Оба твои, такъ какъ ты спасъ многія души и, ради Бога, оставилъ земное царство. Но одинъ изъ нихъ надо дать твоему отцу, ибо онъ благодаря тебѣ сошелъ съ пути погибели и пламенно покаялся». — Іоасафъ сказалъ: «Неужели можно моему отцу получить одинаковый вѣнецъ со мною, то есть ради одного покаянія получить одинаковую награду со мною, столь потрудившимся ради Господа». Блаженный произнесъ эти слова и вдругъ увидѣлъ своего любимаго учителя — преподобнаго отца Варлаама. — «Развѣ я тебѣ не говорилъ, что, когда ты самъ разбогатѣешь, то сдѣлаешься скупымъ и неподатливымъ? Почему ты не хочешь, чтобы отецъ твой получилъ равную часть съ тобою? Ты бы долженъ былъ веселиться душою, если услышана о родителѣ твоемъ твоя горячая мольба».

«Прости меня, отецъ, прости! Скажи мнѣ, гдѣ ты живешь?» — «Я получилъ въ этомъ прекрасномъ и большомъ городѣ обитель». Блаженный Іоасафъ сталъ просить его, чтобы онъ позвалъ его къ себѣ и угостилъ. — «Еще не пришло время для тебя быть со мною. Но если ты до конца мужественно будешь подвизаться во многотрудной иноческой жизни, какъ я тебѣ заповѣдалъ, то вскорѣ придешь сюда и будешь со мною неразлучно навѣки», — сказалъ преподобный Варлаамъ.

Іоасафъ проснулся. Отъ этого необычайнаго сна душа его исполнилась свѣта. Онъ воспѣлъ хвалебную пѣснь.

Блаженный царь равноангельно жилъ въ этомъ мѣстѣ до дня своего отшествія ко Господу. Двадцати пяти лѣтъ онъ оставилъ земное царство и ушелъ въ пустыню, въ которой прожилъ тридцать пять лѣтъ. Шестидесяти лѣтъ онъ блаженно отошелъ ко Господу.

Одинъ святой пустынникъ, жившій недалеко отъ келліи преподобнаго Іоасафа, провѣдалъ духомъ о часѣ преставленія блаженнаго царя. Онъ пришелъ въ моментъ его отшествія ко Господу. Онъ пропѣлъ со слезами надъ его святымъ тѣломъ подобающія погребальныя пѣснопѣнія и положилъ его рядомъ съ мощами преподобнаго Варлаама. Послѣ погребенія пустыннику было Божественное откровеніе, повелѣвавшее ему идти въ Индію и извѣстить царя Варахію о преставленіи блаженнаго Іоасафа. Варахія со множествомъ народа направился въ пустыню. Достигнувъ пещеры преподобныхъ, онъ открылъ ихъ мощи. Онъ увидѣлъ нетлѣнныя тѣла угодниковъ Божіихъ. Благоуханіе исходило отъ нихъ.

Варахія взялъ безцѣнныя, святыя тѣла, принеся ихъ на родину, онъ положилъ ихъ въ церкви, которую нѣкогда создалъ самъ святый Іоасафъ, прославляя Бога въ Троицѣ. Ему и отъ насъ да будетъ честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

М. В.

Чтения благочестія

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова.

ДРЕВО ЗИМОЙ ПРЕДЪ ОКНАМИ КЕЛЛІИ.

Зиму 1820-го года я провелъ въ монастырѣ преподобнаго Александра Свирскаго. Предъ окнами моей келліи стояло древо, разоблаченное морозами, какъ скелетъ, разоблаченный смертію. Уединеніе изощряетъ чувства, изощряетъ мысль; кругъ дѣйствія ихъ расширяется. Между тѣмъ море, о которомъ святый Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ, что ему непремѣнно должно взволноваться, волновалось (Лѣствица. Слово 4, гл. LX). Обнаженное древо служило для меня надеждою обновленія души моей.

Гласомъ моимъ, гласомъ ума моего, гласомъ сердца моего, гласомъ тѣла моего болѣзнующаго, гласомъ немощей моихъ, гласомъ паденій моихъ **воззвахъ** (Пс. CXLI, 8) : **Господи услыши молитву мою** (Пс. CXLII, 1), **вонми моленію моему** (Пс. CXLI, 7), которое возсылаю Тебѣ изъ среды браней, потрясающихъ умъ мой и сердце, изъ среды болѣзней, томящихъ и разслабляющихъ тѣло мое, изъ среды множества немощей, объемляющихъ все существованіе мое, изъ среды безчисленныхъ паденій, которыми преисполнена жизнь моя. Услышавшій Іону, молившагося во чревѣ кита, услышь меня, вопіющаго изъ чрева беззаконій моихъ, изъ чрева адова. **Изъ глубины,** изъ бездны грѣховъ, изъ бездны поползновеній и искушеній моихъ **воззвахъ Тебѣ, Господи! Господи,** услышь гласъ мой! **Изведи изъ темницы** (Пс. CXLI, 8) страстей **душу мою,** пролей въ нее свѣтъ благодатный! Когда прольешь въ нее этотъ свѣтъ, свѣтъ и свѣтлый, и радостный, и животворенный, тогда будетъ она **исповѣдатися имени Твоему** (Пс. CXLI, 8). — Дѣйствуетъ въ душѣ исповѣданіе, возбужденное благодатію, превышающее умъ и потопляющее его въ неизреченной сладости своей; онъ, сошедши въ сердечную клѣть, затворившись въ ней невниманіемъ ко всему чувственному, произноситъ имя Твое, поклоняется имени Твоему, питается именемъ Твоимъ, объемлетъ имя Твое и объемлется имъ. Имя Твое, Слове Божій и Боже, содѣлываетъ для него излишними всѣ прочія слова! **Избави мя отъ гонящихъ мя** бѣсовскихъ помысловъ и начинаній, **яко укрѣпишеся паче мене** (Пс. 141, 7), паче произволенія души моей, паче постиженія ума моего! **Уны во мнѣ духъ мой, во мнѣ смятеся сердце мое** (Пс. 142, 4). **Объяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обрѣтоша мя** (Пс. 114, 3).

Господи! не на мою силу уповаю: паденія мои научаютъ меня познавать немощь мою. Ты, Господи, упованіе мое! Тогда только могу быть **въ странѣ живыхъ** (Пс. 114, 8), въ странѣ святыя правды Твоея, когда Ты, Господи, ниспошлешь въ сердце мое благодать Твою, когда, вселившись въ сердце мое, будешь **часть достоянія моего** (Пс. 15, 5), моимъ единственнымъ имуществомъ и сокровищемъ! Возрадуются святые Ангелы Твои, возрадуются лики благоугодившихъ Тебѣ человѣковъ, увидя спасеніе мое. **Мене ждутъ праведницы, дондеже воздаси мнѣ** (Пс. 141, 8) милость Твою не по множеству грѣховъ моихъ, но по множеству Твоего человѣколюбія. Аминь.

ДУМА НА БЕРЕГУ МОРЯ.

Кому подобенъ христіанинъ, переносящій скорби земной жизни съ истиннымъ духовнымъ разумомъ? — Его можно уподобить страннику, который стоитъ на берегу волнующагося моря. Яростно сѣдыя волны подступаютъ къ ногамъ странника и, ударившись о песокъ, разсыпаются у ногъ его въ мелкія брызги. Море, препираясь съ вихремъ, реветъ, становитъ волны, какъ горы, кипитъ, клокочетъ. Волны рождаютъ и снѣдаютъ одна другую; главы ихъ увѣнчаны бѣлоснѣжною пѣною; море, покрытое ими, представляетъ одну необъятную пасть страшнаго чудовища, унизанную зубами. На это грозное зрѣлище съ спокойною думою смотритъ таинственный странникъ. Одни глаза его на морѣ, а гдѣ мысль его, гдѣ сердце? мысль его — во вратахъ смерти; сердце — на судѣ Христовомъ. Здѣсь онъ уже предстоитъ умомъ, здѣсь онъ предстоитъ ощущеніемъ, здѣсь его заботы, здѣсь страхъ его: отъ этого страха бѣжитъ страхъ земныхъ искушеній. Утихнутъ вѣтры, уляжется море. Гдѣ холмились гнѣвныя волны: тамъ разстелется неподвижная поверхность утомленныхъ бурею водъ. Послѣ усиленной тревоги онѣ успокоятся въ мертвой тишинѣ; въ прозрачномъ зеркалѣ ихъ отразится вечернее солнце, когда оно встанетъ надъ Кронштадтомъ, и пуститъ лучи свои вдоль Финскаго залива, на встрѣчу струямъ Невы, къ Петербургу. Живописное зрѣлище, знакомое жителямъ Сергіевой пустыни! Это небо, этотъ берегъ, эти зданія сколько видѣли увѣнчанныхъ пѣною гордыхъ, свирѣпыхъ волнъ? И всѣ онѣ прошли, всѣ улеглись въ тишинѣ гроба и могилы. И идущіе мимо идутъ, успокоятся также! Что такъ зыбко, такъ непродолжительно, какъ вѣнцы изъ пѣны влажной!

Взирая изъ тихаго монастырскаго пристанища на житейское море, воздвизаемое бурею страстей, благодарю Тебя, Царю и Боже мой! привелъ Ты меня въ ограду святой обители! скрылъ меня **въ тайнѣ лица Твоего отъ мятежа человѣческаго!** покрылъ меня **въ кровѣ отъ пререканія языкъ!** (Пс. 30, 21). О томъ только пе-

чальна душа моя, о томъ смущаюсь неизвѣстностію, что пройду ли отсюду, съ берега житейскаго моря коловратнаго, невѣрнаго, **въ мѣсто селенія дивна, даже до дому Божія, во гласѣ радованія, и исповѣданія шума празднующаго** (Пс. 41, 5), вселюсь-ли тамъ въ вѣкъ вѣка? Чтожъ до скорбей земныхъ, — **на Бога уповахъ: не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ** (Пс. 55, 12).

1843 года, Сергіева Пустыня.

МОЛИТВА ПРЕСЛѢДУЕМАГО ЧЕЛОВѢКАМИ.

Благодарю Тебя, Господь и Богъ мой, за все совершившееся надо мною! Благодарю Тебя за всѣ скорби и искушенія, которыя посылалъ Ты мнѣ для очищенія оскверненныхъ грѣхами, для исцѣленія изъязвленныхъ грѣхами, моихъ души и тѣла!

Помилуй и спаси тѣ орудія, которыя Ты употреблялъ для моего врачеванія: тѣхъ людей, которые наносили мнѣ оскорбленія. Благослови ихъ въ этомъ и будущемъ вѣкѣ! Вмѣни имъ въ добродѣтели то, что они дѣлали для меня! Назначь имъ изъ вѣчныхъ Твоихъ сокровищъ обильныя награды.

Что-жъ я приносилъ Тебѣ? какія благоугодныя жертвы? — Я приносилъ одни грѣхи, одни нарушенія Твоихъ Божественнѣйшихъ заповѣданій. Прости меня, Господи, прости виновнаго предъ Тобою и предъ человѣками! Прости безотвѣтнаго! Даруй мнѣ увѣриться и искренно сознаться, что я грѣшникъ! Даруй мнѣ отвергнуть лукавыя оправданія! Даруй мнѣ покаяніе! Даруй мнѣ сокрушеніе сердца! Даруй мнѣ кротость и смиреніе! Даруй любовь къ ближнимъ, любовь непорочную, одинаковую ко всѣмъ, и утѣшающимъ и оскорбляющимъ меня! Даруй мнѣ терпѣніе во всѣхъ скорбяхъ моихъ! Умертви меня для міра! Отъими отъ меня мою грѣховную волю, и насади въ сердце мое Твою святую волю; да творю ее единую и дѣлами, и словами, и помышленіями, и чувствованіями моими.

Тебѣ за все подобаетъ слава! Тебѣ единому принадлежитъ слава! Мое единственное достояніе — стыдѣніе лица и молчаніе устъ. Предстоя страшному суду Твоему въ убогой молитвѣ моей, не обрѣтаю въ себѣ ни единаго добраго дѣла, ни единаго достоинства, и предстою, лишь объятый отовсюду безчисленнымъ множествомъ грѣховъ моихъ, какъ бы густыми облакомъ и мглою, съ единымъ утѣшеніемъ въ душѣ моей: съ упованіемъ на неограниченную милость и благость Твою. Аминь.